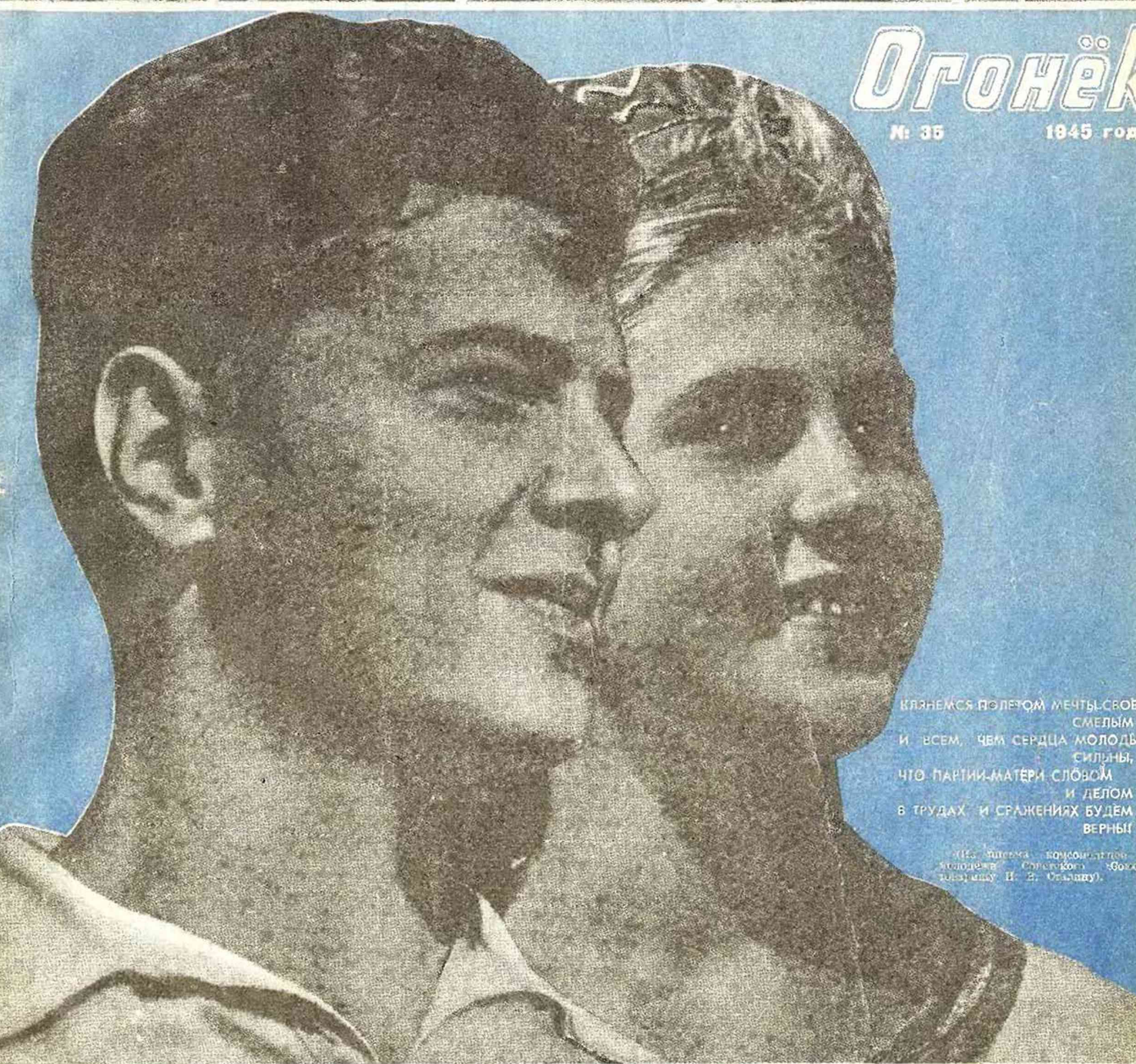

Огонёк

№ 35

1945 год

КЛЯНЕМСЯ ПОЛЕТОМ МЕЧТЫ СВОЕЙ
СМЕЛЫМ
И ВСЕМ, ЧЕМ СЕРДЦА МОЛОДЫ
СИЛЬНЫ,
ЧТО ПАРТИИ-МАТЕРИ СЛОВОМ
И ДЕЛОМ
В ТРУДАХ И СРАЖЕНИЯХ БУДЕМ
ВЕРНЫМ

«Итак, друзья, комсомольцы,
молодежь Советского Союза,
товарищу Н. С. Огольцу».

БЕССМЕРТНАЯ СЛАВА КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

565 лет назад, 8 сентября 1380 года, русское войско под водительством Московского великого князя Дмитрия Донского наголову разбило монголо-татарские полчища Мамая. «Братья, лучше честная смерть, чем — позорная жизнь», — с такими словами обратился перед Куликовской битвой Дмитрий Донской к войскам.

Нелегко досталась победа русскому народу: из 300-тысячного войска осталось только 50 тысяч. Но монголо-татар погибло 400 тысяч, и поле на 40 вёрст было усеяно их трупами. Куликовская битва уничтожила легенду о непобедимости ханов, угнетавших Русь. Она показала, на какие подвиги способен русский народ в борьбе за независимость и свободу родной земли.

Вверху справа: Дмитрий Донской; слева: удар засадного полка (рисунок В. Климашина); внизу слева: Дмитрий Донской объезжает Куликово поле после битвы (с картины художника Шарлеманя); справа: схема Куликовской битвы.

ПОДПИСАНИЕ ДОГОВОРА О СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕ И СОГЛАШЕНИЯ ПО ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИЕЙ, МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ СССР И ПОЛЬШИ. На снимке: И. В. Сталин, В. М. Молотов, А. Я. Вышинский, г-н Б. Берут, г-н С. Миколайчик и другие. Договор подписывает г-н Э. Осубка-Моравский.

Фото М. Калашниковой

УСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И ПОЛЬШЕЙ

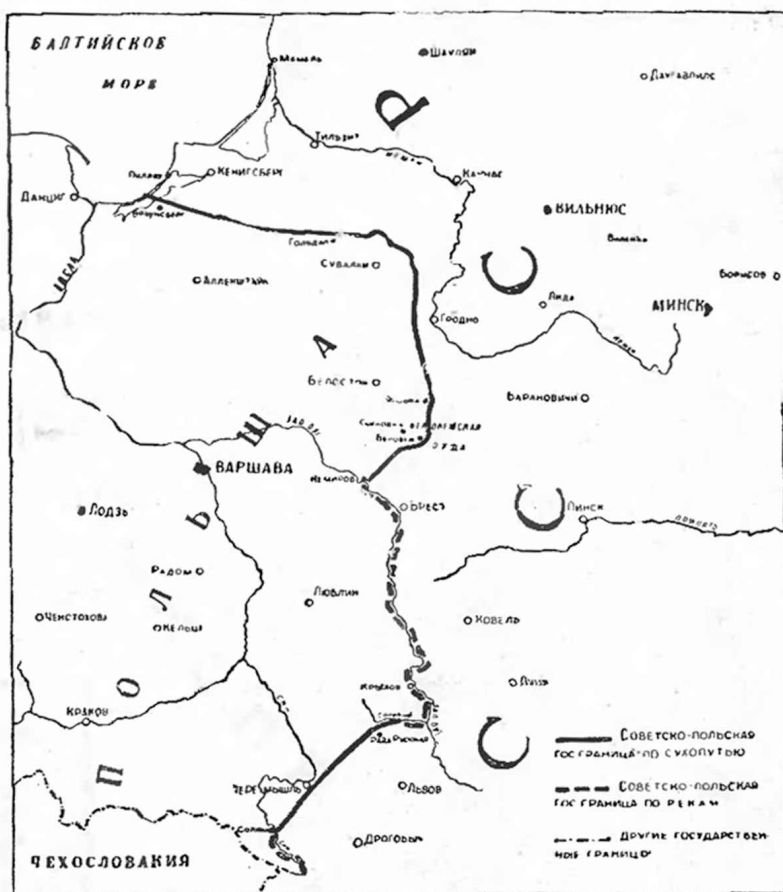
16 августа в Москве был подписан Договор о Советско-Польской государственной границе. По уполномочию Президиума Верховного Совета Союза ССР Договор подписан тов. В. М. Молотовым, по уполномочию Президента Крайовой Рады Народовой Польской Республики — г-ном Э. Осубка-Моравским.

Согласно статье I Договора, государственная граница между СССР и Польской Республикой устанавливается, в соответствии с решением Крымской Конференции, вдоль «линии Керзона» с отступлением от неё в пользу Польши в некоторых районах от 5 до 8 километров. Советский Союз дополнительно уступил Польше: территорию, расположенную к востоку от «линии Керзона» до реки Западный Буг и реки Солокия, к югу от города Крылов, с отклонением в пользу Польши максимально на 30 километров; часть территории Беловежской Пуши, на участке Немиров — Яловка, расположенной на восток от «линии Керзона», включая Немиров, Гайновку, Беловеж и Яловку, с отклонением в пользу Польши максимально на 17 километров.

Государственная граница между СССР и Польшей обозначена на публикуемой карте.

Одновременно между СССР и Польской Республикой подписано соглашение о возмещении ущерба, причинённого германской оккупацией Польше.

Договор о Советско-Польской государственной границе и соглашение о возмещении ущерба представляют собой новую демонстрацию советско-польской дружбы. Премьер-министр Временного Польского Правительства Национального Единства г. Э. Осубка-Моравский заявил в связи с подписанием Договора о границе, что он имеет для народов обеих стран огромное историческое значение. Заложено прочный фундамент дружбы и братского добрососедского сожительства.

В номере:

ПОДПИСАНИЕ ДОГОВОРА О
СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ГОСУ-
ДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕ

ЗАМЕТКИ И ОТКЛИКИ.

Недельное обозрение

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ:

Ал. Гутюкович. — Мир должен знать
об этом. Фото капитана Б. Боров-

ских. Профессор Л. Д. Ландау. —
Атом урана — новый источник энер-
гии. За кулисами фашистского
блока.

ПРОЗА:

Татьяна Окс. — Высокий берег. Ри-
сунков В. Высоцкого. Н. Шпанов. —
Тайна трёх (продолжение). Рису-
нки А. Шульца.

СТИХИ:

Сергей Алымов. — Стихи о Севере.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО:

Ирина Вершинина. — Весело, остро-
умно, злободневно. Колхозник-бас-
нописец. Заслуженный писатель (к
60-летию со дня рождения В. М.
Бахметьева). Гр. Мерлинский. —
Оружие искусства. А. П. — Из ли-
тературного архива. И. С. — Вы-
ставка фарфора. Новые книги.

ЮМОР:

Евг. Бермонт. — Чудовище с зелёны-
ми глазами. Рисунки А. Каневского.

НОВОСТИ МЕДИЦИНЫ. —

СПОРТ. — РАССКАЗЫВАЮТ,
ЧТО... — КТО ЭТО СКАЗАЛ? —
ИЗВЕСТНО ЛИ ВАМ... — ПОЧЕ-
МУ МЫ ТАК ГОВОРИМ. — ШАХ-
МАТЫ. — ШАШКИ. — КРОСС-
БОРД.

НА ОБЛОЖКЕ: фото А. Шайхета.
Монтаж А. Житомирского.

ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Безоговорочная капитуляция Японии представляет собой важнейшее событие последнего времени. После того как война в Европе закончилась разгромом и безоговорочной капитуляцией гитлеровской Германии, японские фашизированные империалисты всё ещё продолжали цепляться за мираж побед, хотя было очевидно, что их ждёт только поражение. Нежелание японских правящих кругов капитулировать препятствовало установлению всеобщего мира. На Дальнем Востоке, на Тихом океане продолжало пылать пламя войны. Японская военщина полагала, что даже в случае, если англо-американские войска высадятся на территорию Японии, она сможет продолжать войну на азиатском материке. Японские агрессоры, таким образом, всеми силами стремились затянуть войну. Как известно, это вынудило советское правительство объявить войну Японии с тем, чтобы решительно ускорить разгром последнего врага Объединённых наций, избавить народы Азии от ужасов войны и обеспечить скорое наступление всеобщего мира.

Утром 9 августа советские войска на широком фронте пересекли границы Маньчжурии и нанесли сокрушительные удары японским армиям, располагавшим мощными укреплениями на всех основных направлениях наступления Красной Армии.

В тот момент, когда ещё только обсуждалось во всем мире значение решения советского правительства, в зарубежных политических кругах единодушно высказывалось мнение, что наступает смертный час для японских захватчиков. Хотя Красную Армию ожидали большие трудности на новом поле битвы — в Маньчжурии, где японские захватчики обосновались в течение десятков лет и где они располагали крупными силами, тем не менее уже через неделю после начала военных действий Квантунская армия — лучшая часть японской армии — оказалась в катастрофическом положении. Доблестные войска 1-го Дальневосточного фронта под командованием маршала Мерецкова, 2-го Дальневосточного фронта под командованием генерала армии Пуркаева и Забайкальского фронта под командованием маршала Малиновского и Монгольская армия маршала Чойбалсана прорвали мощные японские укрепления, форсировали хребты Большого Хинсана (на севере Маньчжурии) и вышли на тылы и коммуникации японцев; в то же время корабли и авиация Тихоокеанского флота под командованием адмирала Юмашева наносили жестокие удары по японским морским коммуникациям и содействовали нашим войскам в захвате важных портов Кореи: Юки, Расин, Сейсин и др. Советскими войсками на дальневосточном театре военных действий командует маршал Василевский.

Прошло не более 48 часов после начала наступления Красной Армии, и японское правительство было вынуждено объявить, что оно готово принять условия безоговорочной капитуляции. 14 августа Япония безоговорочно капитулировала.

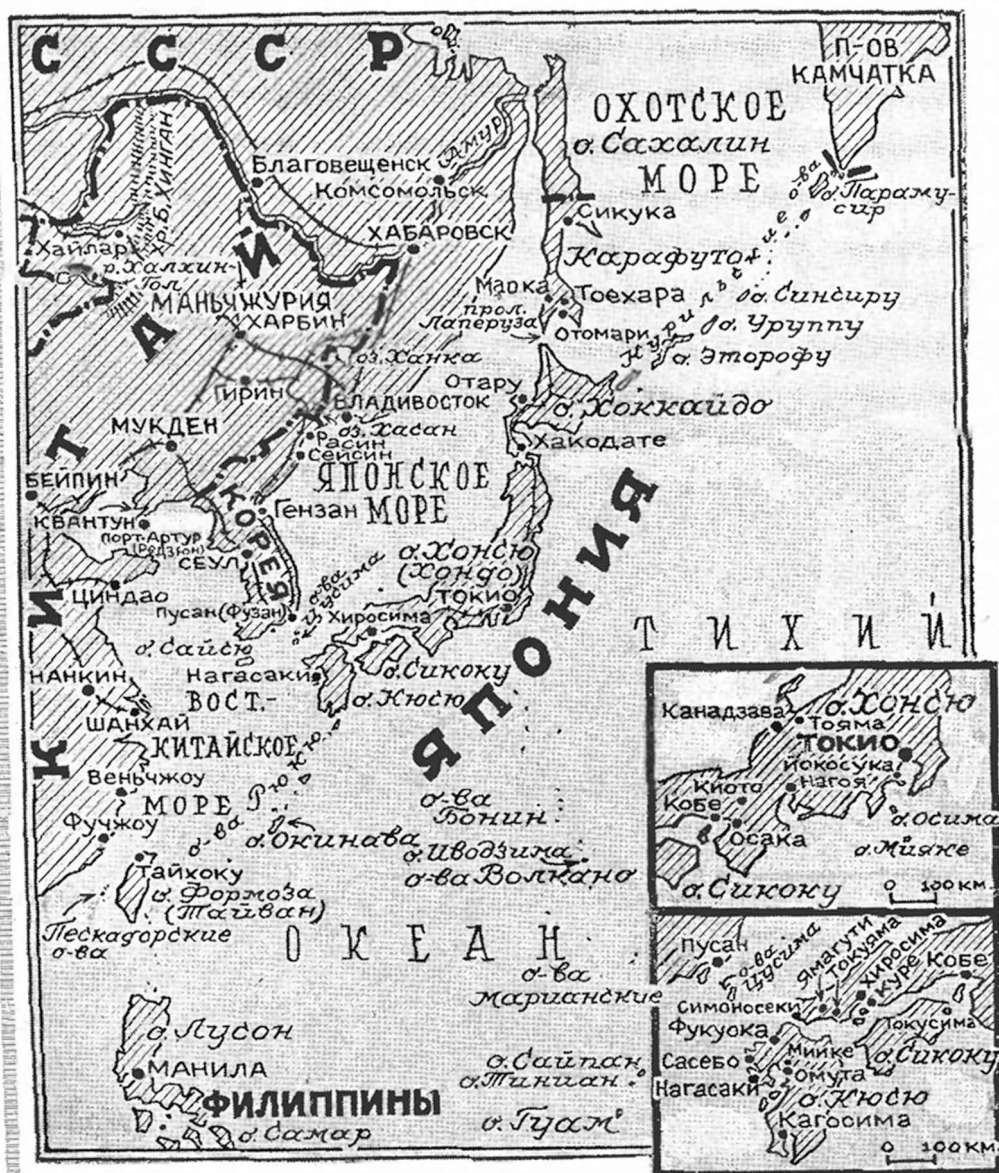
Правда, японская военщина всячески тормозила выполнение условий капитуляции, и, например, в Маньчжурии противник продолжал оказывать сопротивление советским войскам, переходя в контратаки и даже принимая контр наступления на отдельных участках. 17 августа маршал Василевский категорически потребовал от командующего японской Квантунской армией сложить оружие и сдаться в плен. Японцам был дан срок три дня — до 20 августа. Это предупреждение подействовало. Уже 17 августа в плен сдались 20 тысяч японских солдат и офицеров. 18 августа начали сдаваться в плен части 3-й японской армии. Капитулировал японский гарнизон, окружённый в районе Хайлар, причём 5 тысяч солдат и офицеров во главе с генерал-майором Номура сдались. К 20 августа вой-

КРУШЕНИЕ ЯПОНСКОГО АГРЕССОРА

Безоговорочная капитуляция Японии означает полный крах империалистической, захватнической политики японских фашизированных империалистов, которые на протяжении 90 с лишним лет создали путём беззастенчивого грабежа обширную колониальную империю.

На путь захватов Япония вступила во второй половине прошлого столетия. До 1853 г. Япония владела четырьмя большими островами: Кюсю, Сикоку, Хонсю и Хоккайдо, с прилегающими к ним 519 мелкими островами. Вся территория Японии составляла около 380 тыс. кв. км. В 1853 г. Япония захватила Бонинские острова, в 1872 г. — острова Лу-Чжу, принадлежавшие Китаю, которые под названием Рюкю были присоединены к Японской империи. В 1874 г. Япония пыталась захватить остров Формозу, но это ей не удалось. Этот остров всё же был захвачен Японией в результате нападения на Китай в 1894 г. В 1904—1905 гг. японский империализм овладел Квантунским полуостровом и находящимися там русскими портами Порт-Артуром и Дельным, южной частью Сахалина, аннексировал Корею и укрепился в Южной Маньчжурии. В 1914 г. Япония приняла участие в войне против Германии с целью укрепиться в Восточном Китае (провинция Шеньдунь), присвоила принадлежавшие Германии Марианские, Маршалские и Каролинские острова на Тихом океане. В 1915 г. Япония навязала Китаю грабительские «21 требование». В 1918 г. японские империалисты приняли участие в интервенции в СССР, захватили Владивосток, Приморье, северную часть Сахалина, но были выбиты с советской территории. В 1931 г. японская военщина захватила Маньчжурию, а в последующие годы — провинции Жэхэ, Чахар, Суйюань. В 1937 г. японские войска начали широкое наступление против Китая. Военные действия в Китае продолжались свыше восьми лет, вплоть до капитуляции Японии. Наконец, в 1941 г. японские империалисты, уже состоявшие в союзе с гитлеровской Германией и фашистской Италией, напали на тихоокеанские владения США и Великобритании.

Теперь приходит конец японским агрессорам и разбойничьей Японской империи.

ска Квантунской армии прекратили сопротивление на большей части фронта в Маньчжурии. Важнейшие города — Харбин, Мукден, Чанчунь — были заняты советскими десантными частями. В южной части острова Сахалин также началась капитуляция японских войск. 20 августа было взято в плен 52 тысячи японцев, в том числе несколько виднейших генералов — командующий 1-м фронтом Квантунской армии генерал Кита Сэити, командующий 3-м фронтом Квантунской армии генерал Исироку Дзюн, командующий 3-й армией Квантунской армии генерал-лейтенант Мураками Кэйсаку, командующий 5-й армией Квантунской армии генерал-лейтенант Симидзу Норидзуме.

Удары, нанесённые японским войскам Красной Армией, сыграли решающую роль, заставив Японию капитулировать.

Верховный Главнокомандующий Генералиссимус Советского Союза И. Сталин приказом от 23 августа возвестил о полной победе советских войск на Дальнем Востоке.

Одновременно прекратилось сопротивление японцев также на тихоокеанском театре военных действий. После встречи представителей японского командования с союзным главнокомандующим генералом Макартуром в Маниле, предстоит вступление союзных войск в Японию.

Окончание войны на Тихом океане означает окончание второй мировой войны.

Необходимо отметить, что во времени окончание второй мировой войны почти совпадает с её началом — 1 сентября 1939 года. В этот день гитлеровские разбойники, в союзе с которыми состояли итальянские фашисты и японские империалисты, напали на Польшу. Это было шесть лет назад. Гигантская борьба, охватившая весь мир и потребовавшая от всего человечества огромного напряжения, в конце концов была выиграна антигитлеровскими державами, создавшими прочную коалицию свободолюбивых народов. Фашистские агрессоры разгромлены. Перед народами всего мира теперь стоит важнейшая задача — создание прочного и длительного мира.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ПРОДОЛЖАЕТ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНУЮ БОРЬБУ ЗА МИР

Закончившаяся 2 августа Берлинская конференция показала, что великие державы — Советский Союз, Соединённые Штаты Америки и Великобритания — намерены совместно довести до конца морально-политический разгром фашизма и обеспечить народам мир и безопасность.

Советский Союз, верный своей традиционной миролюбивой политике, реализует решения, принятые на Берлинской конференции. Как уже сообщалось, советское правительство восстановило дипломатические отношения с Болгарией, Финляндией, Румынией, содействуя тем самым нормализации положения этих стран и в Европе в целом.

Этой же цели — укреплению мира — служит решение Советского Союза ратифицировать Устав Объединённых наций, что и было осуществлено Президиумом Верховного Совета СССР 20 августа.

Интересам мира и безопасности целиком соответствует также заключённый 16 августа советско-польский договор о государственной границе между СССР и Польской республикой. Этот договор, заключающийся ярким выражением польско-советской дружбы, создаёт прочные основы мира в Восточной Европе и тем самым содействует укреплению мира на всём континенте.

С этой же точки зрения следует расценивать подписанный в Москве договор о дружбе и союзе между Советским Союзом и Китайской республикой.

Основная надежда, что тёмным силам агрессии не удастся впрямь нарушить мир в Европе, как и в Азии, состоит в том, что народы, сбросившие с себя иго фашистских поработителей, упрочат в своих странах демократическую власть. Большое значение приобретают предстоящие парламентские выборы во многих европейских странах: в Болгарии, в Югославии, в Польше, во Франции, в Норвегии, Дании, Голландии, Греции. В первых трёх странах, где у власти находятся подлинно демократические элементы, выборы можно рассматривать как акт сплочения антифашистских сил. Наоборот, во Франции делаются попытки ограничить волю народа. В ещё большей степени это относится к Греции. В ближайшие недели и месяцы усиленные борьбы за демократию явятся важнейшей чертой, которая окажет большое влияние на внутриполитические и межгосударственные отношения в Европе.

ИСПАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ СПЛАЧИВАЕТ СВОИ РЯДЫ

Состоявшаяся в столице Мексики — Мехико-Сити — чрезвычайная сессия испанских республиканских кортесов (демократического парламента Испании, избранного путём свободных выборов в 1936 году) представляет собой событие, имеющее большое значение не только для Испании, но и для всей Европы.

Депутатам кортесов пришлось собраться вдали от родной страны, которая с 1939 года томится под тяжким гнётom тиранического режима Франко, овладевшего Испанией только в результате немецко-итальянской интервенции. Но тот факт, что чрезвычайная сессия республиканских кортесов состоялась не в Мадриде, а в Мехико, нисколько не умаляет значительность самого этого события. Оно напомнило всему миру, что испанская демократия жива и что борьба за демократическое возрождение многострадальной страны вступает теперь в новый важный этап. Сессия кортесов означает, что все демократические группировки Испании объедини-

ОТЪЕЗД ИЗ МОСКВЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЮАНЯ КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ г-на СУН ЦЫ-ВЕНЯ. На снимке, слева направо: г-н Сун Цы-вень, тов. В. М. Молотов и другие на Центральном аэродроме.

Фото С. Гурарий

лись во имя одной цели — свержения ненавистного фашистского режима и возрождения республики.

Сессия единогласно приняла решение избрать временным президентом республики Мартинеса Баррио, бывшего председателя кортесов, руководителя партии «Республиканский союз». Члены испанского республиканского правительства принесли присягу временному президенту республики. Премьер-министр доктор Хуан Негрин вручил ему ожастку. Испанская демократическая общественность считает необходимым, чтобы было образовано правительство, которое перед всем миром представляло бы Испанскую республику, не прекращавшую своего существования, хотя страна и была оккупирована фашистскими поработителями.

Для испанской демократии настоящим благом прозвучало известное решение, принятое на Берлинской конференции, о недопущении в организацию Объединённых наций правительства Франко ввиду его фашистского происхождения, характера и тесных связей с гитлеровской Германией и фашистской Италией. Великие державы тем самым торжественно провозгласили, что они не желают иметь в своей среде правительство, выступавшее в роли приспешника Гитлера и Муссолини, пресмыкавшегося перед этими архипреступниками и являвшегося их фактическим и духовным союзником.

Для франкистского режима решение трёх держав было сокрушительным ударом. Как известно, незадолго до Берлинской конференции Франко пытался путём различных маневров и махинаций ввести в заблуждение мировое общественное мнение. Этот продувной негодяй полагал, что если он перекрестит свою диктатуру в монархию, то этим заслужит благоволение великих держав. Но этот шутовской маскарад не удался.

Режим Франко обречён. Не должно и не может существовать фашистское гнездо на Пиренеях, ибо это явилось бы прямой угрозой будущему миру на континенте.

Испанский народ развёртывает знамя борьбы за освобождение своей страны от гнусных последствий кровавого гитлеризма. Фашизм в Испании должен пасть, чтобы испанский народ и вся Европа могли вздохнуть, наконец, свободно.

Деревья
на каменных скалах,
как дикие звери,
косматы.
Озера,

озёра,
озёра —

запутанные узоры.
Вертящаяся,
шустрая речка.
Бездворой избушки
крылечко.

Закатов
стоцветные руды —
рубины,

топаз,
изумруды.

Карелия,
ты — голубая!..
Ты дремлешь,
водой улыбаясь.

Я вижу в тебе
наяву
любимых очей
синеву.
И в перьях
павлиньих закатов
мне дорог
гранит седоватый,
и копыта еловых стволов,
и встрепанность
козьих голов.
Скупая
и скудная прелесть
карельских
болотистых прерий.
И светлое лето —
без сна, —
когда даже полночь
ясна.

Мне дорог
лазурный
твой взор,
земля

бирюзовых
озёр!..

Сергей Алымов

Баркас уходил
из верховий в низовья.
Баркас
за волной
убегал.
Шептала вода
у его изголовья,
бездомствовали луга.

Играя,
выбрасывались краснощёчки
у черных чеканных бортов.
И запах цветов,
и медовый
и горький,
струился из влажных кустов.

Камней
розоватое гладкое тело
светилось
в прозрачной воде.
И лодка летела,
и время летело,
и ночь
разгоралась
в день.

Вдоль берега
таяли
тёмные тени.
Блесны
колдовал
амулет.
Зелёные пальцы
подводных растений
ловили серебряный след.

Зелёные пальцы
держали свирели.
От песен
немело весло.

И пальцы немели, до бсли
немели,
и лодку теченьем несло.

Казалось,
конца не найдётся покою,
не будет конца тишине.
Свирели Свири —
это чудо такое,
которому равного нет!

2

Необозримости кусок —
отрадно оку в ней.
Песок,
зелёный сок осок —
рай щук и окуней.

Плеск влаги,
плёсы,
паруса...
Луга...
На них роса.
Леса, леса...
Ещё леса.
Над лесом —
небеса.

Туман, как перья,
как ларик,
курчавый и седой.
Произрастание зари
над сизою водой.

Привал плотов.
Протяжный хрип
букирного гудка.

И лязг цепей,
и блоков скрип,
и блики в облаках.

Скороговорка топора.
Багряные багры.
На трапах мускулов парад,
еловых дров бугры.

Розовотелых штабелей
видение в воде.
И всё прозрачней,
всё светлей
благословенный день.

3

Пороги и плёсы.
Простор.
Синева.
Иные —
и Волга,
и Днепр,
и Нева.
Но в землях российских
реке этой тень,
И воздух
здесь русский
и русская речь.

Блаженство сплошное —
и берег
и лес.
И всё здесь родное —
до самых небес —
полёт стрекотинный,
и плеск окунька,
и шелест лозинный,

и луг,
и река.

Плыву по реке,
чуть веслом шевеля.
По правой руке —
голубые поля.
По левой —
осинник,
берёзовый гай,
медвежий малинник —
Олонецкий край.

Поёт
голубая
прозрачная Свирь.
Я знаю —
есть Крым,
Украина,
Сибирь.
Я помню Одессу,
Орёл,
Сталинград.
Везде побывали
моряк
и солдат.

И в этих краях
грохотала войча,
война отгремела —
пришла тишина.
И в этой
сменившей грозу
тишине
солдатскому сердцу
отрадной
вдвойне.

КОЛХОЗНИК-БАСНОПИСЕЦ

Среди безлесных приволжских равнин стоит село Семово. В начале революции от него отделилось несколько хозяйств. На реке Сундовик возник посёлок «Муравейник». Здесь живёт и работает известный в Горьковской области и за её пределами баснописец Иван Александрович Рослов. В свободное время Горьковское областное издательство выпускает книгу его басен.

В годы войны общественные организации Горьковской области отметили 35-летие литературной деятельности Рослова. По ходатайству односельчан колхозу «Муравейник» присвоено имя поэта-баснописца.

Приведём одну из последних басен Ивана Александровича:

ГОРДЫЙ ЗАЯЦ

В лесу на травке лев спокойно спал,
И вдруг к нему зайчишка подбежал,
Льва разбудил

(Давно комсомолу снилось
К царю зверей втереться в милость)
И закричал,

В даль указав лапчонкой:
— Смотри!

Бегут охотники на нас...
У льва куда как зорек глаз,
Вскочил...

И скрылся в чаще звонкой,
Прервавши сны...
Хоть страх у сильных — на одно мгновение,

Но в благодарность за спасенье
Льва зайца произвёл в чины.
И гордость в сердце заиграла
У зайца моего.
Он всех боялся здесь, бывало.

Теперь
Боятся все его!
Сам волк, как зайца повстречает,
Ему поклоны отдаёт
И в разговоры с ним вступает.

А заяц кверху нос дерет:
«Мне некогда!» —

И лапкой помахает.

И если зверь иной

Случайно зайца встретит,
Да вовремя вельможу не заметит,
Так заяц даже взвизгнет:
«Донесу!»

И так он опротивел всем в лесу,
Что как-то звери, выйдя из терпенья,
О чванном зайце подали прошение
И с ним ко льву направили лису!..
Лев то прошение рассмотрел
И зайца перевестъ

В соседний лес велел,
Всё с тем же чином,

Пожурился немного.

Но заяц назиданию не внял
И там держал себя надменно-строга,
Курчался

и тона не менял.

И как-то перед всем звериным миром
Он нагрубил медведю,

Тот задира

Спустить не захотел,

На зайца поднял лапу...

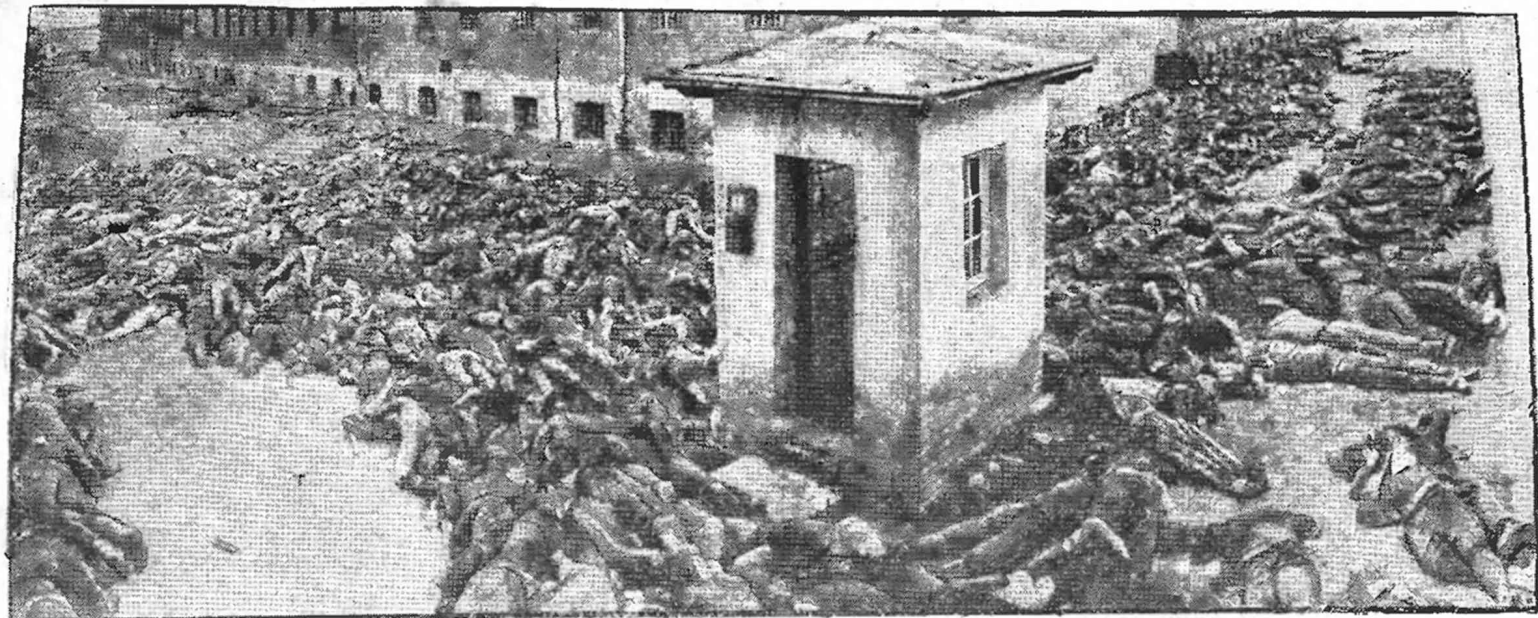
Тут заяц снова

И. А. Рослов.

Фото Н. Капелюша.

Стал самим собой,
И, как в народе говорит иной
Про трусов,
Серый «задал драпу».
Пойти ко льву он после побоялся
И... прежним зайцем,
Без чинов, остался.

Трупы расстрелянных во дворе Зоненбургской тюрьмы; в центре — сторожевая будка.

МИР ДОЛЖЕН ЗНАТЬ ОБ ЭТОМ

Текст А.А. Гутерошица.
Фото капитана В. Горонских.

Это произошло в ночь на 31 января 1945 года.

Глухая запьюженная степь на 85-м километре от Берлина. Овраги, овраги, вербы, как розги, тёмные осиновые перелески. Чёрные тучи порохов над забрызганными кровью сгёгами. Горо-док Зоненбург, или Неймарк.

Таким застала двор Зоненбургской тюрьмы Красная Армия. Дантов ад! Сотни трупов, нагромождённых друг на друга, изувеченных. Иные раздеты в зычную стужу, все босиком на снегу. У 232 трупов по три-четыре раны на голове, сотни мертвецов с пулей в затылке. Судебная медицинская экспертиза вскрыла 32 трупа: у 19 обнаружен туберкулёз лёгких, у 13 — полное отсутствие жиро-вой ткани во внутренних органах и подкожной клетчатке. Среди убитых 300 французов и около 300 жителей Люксембурга.

Здесь были расстреляны люди со всей Европы!

Знаменитая Зоненбургская тюрьма. Здесь когда-то сидел Тельман. Этим стенам около полувека, но они уже видели смерть сотен тысяч людей. Большинство камер — одиночные. Человек, попавший сюда, должен был оставаться наедине с самим собой десятилетия, либо до смерти. Кусочек неба за решоткой — это уже роскошь, только «для привилегированных». А то — мокрая, зелёная стена; откуда-то сверху струйка мутного света, напоминающая, что ещё где-то существует жизнь; холодная койка, убогий столик, железная дверь с «глазком». У зверей зоопарка — и то больше места в клетке, а тут три шага в длину, два в ширину. Или два в длину, один в ширину. Даже самые стены были приспособлены для моральной пытки. Представьте себе большую комнату, а в углу отгорожено железной решоткой место, куда с трудом втиснута койка. С неё нельзя встать на пол — в камеру напущена ледяная вода. Нельзя подняться — очень низок потолок, узник может только полусидеть.

Заключённые по 13—14 часов в сутки работали на артиллерийском заво-

де, в электро- и автомастерских, которые размещались во дворе тюрьмы. Когда они возвращались с работы, на многих политзаключённых снова надевали кандалы.

Ударяя в Берлин, гестаповцы зажгли тюрьму, чтобы скрыть следы преступления. Но пожар потушили наши бойцы. В одной из камер огонь слизывает лозунг, написанный кровью французов на стене: «Москва огорчит за Париж!» На подоконнике в другой камере выцарапано ногтем: «Да здравствует Советская Россия!»

В Зоненбургской политической тюрьме сидели патриоты, которые в оккупированных фашистами странах поднимали голос протеста против Гитлера и его клики. Из последней партии расстрелянных во дворе тюрьмы больше половины заключённых составляли французы. Но тут были и поляки, датчане, русские, югославы, украинцы, бельгийцы, греки.

Обратимся к документам. Француз Силан Рогер, житель города Туруса, приговорён к тюремному заключению за то, что он путём прямых угроз по адресу французских фашистов «нанёс ущерб военной мощи Германии». В судебных протоколах эльзасцев и люксембуржцев записано: «Приговорены... за чтение книг «Вопросы ленинизма» Сталина и «Мать» М. Горького». Люксембуржец Генрих Райнш попал в Зоненбург за нежелание служить в немецкой армии, поляк Феликс Стасик — за антигитлеровскую пропаганду, Юсиф Милошук — за то, что он «редко мыслящий украинец», Пётр Воробьёв — за то, что некорённый русский, бельгиец Жозеф Сакри — за антигитлеровскую пропаганду, голландец Иоганнес Осенбург из Гааги и чех Георг Цепин — за слушание радио-передач из Москвы и Нью-Йорка.

У погибших найдены письма, открытки Парижа, евангелия, цветные картинки столиц мира, кожаные сердечки, недокурные трубки. На одном из трупов фотокартонка девушки и на обороте её напех сделанная надпись: «Наташа, я погиб. Меня расстреляли. Беленц Пилип». В одном кармане записная книжка с адресом:

«Шоссе Житомир—Бердичев, село Вороньков, Пётр Воробьёв».

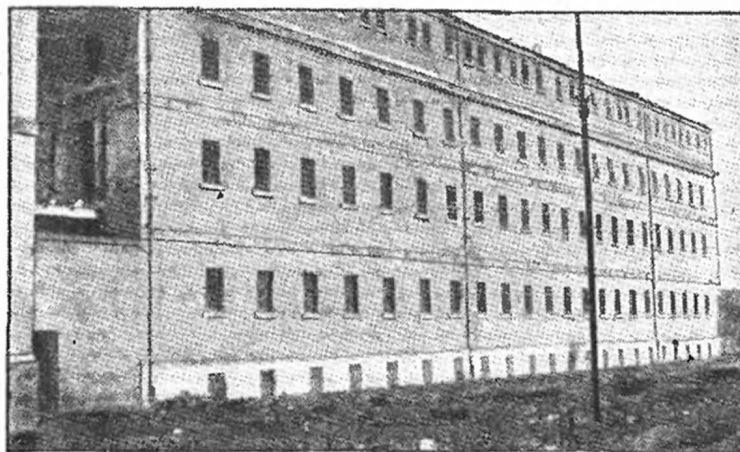
В 9 часов вечера в ночь на 31 января 1945 года директор Зоненбургской тюрьмы Кнопст вызвал к телефону Берлин:

— У нас слышен гул русских пушек. Принимаю решение переехать в Берлин. Что делать с политзаключёнными?

Надзиратель Карл Побнер находился в те часы в приёмной директора. Дверь в кабинет Кнопста была приоткрыта, но ответа Берлина надзиратель не слышал. Он догадался об этом позднее, когда зашёл в столовую. За столами сидели приехавшие из Берлина гестаповцы в тёмнокоричневых шинелях и торопливо ели.

В десять часов вечера в камерах зажгли свет, началась лихорадочная беготня по коридорам тюрьмы. Послушаем людей, которые сидели в тюрьме, что произошло дальше. Вот рассказ сержанта Владимира Савича из города Сараева (Югославия). В Зоненбургскую тюрьму он попал без суда: посадили за переписку стихов А. С. Пушкина и отрывков из книг М. Горького и Л. Толстого.

— Я в тот вечер лёг спать рано, — рассказывает В. Савич. — Моя камера на третьем этаже, и я проснулся от шума на нижних этажах. Слышно было, как открывались двери камер и кто-то громко считал до десяти. Но я вскоре уснул, думая, что на третий этаж в эту ночь не поднимутся.

Здание Зоненбургской тюрьмы.

Владимир Савич.

Векслав Лечек.

Лео Эсселер.

ЗАКУЛИСАМИ ФАШИСТСКОГО БЛОКА

Старый парижанин в кандалах, расстрелянный немцами.

Французский профессор Морис Такоеш.

Бельгиец Лео Эсселер из города Льежа, брошенный в тюрьму за отказ служить в германской армии, продолжает рассказ сэрба Савича:

— В камере со мной сидели француз Эмиль Ленгранда и Анри Гаула. Койка была одна, и сегодня они спали на полу, а я на койке. Мы это делали поочередно. Вечером к нам зашёл вахтмейстер и приказал:

— Выходите из камеры, быстро!
— Вещи с собой забрать? — спросили мы.

— Брать с собой ничего не надо. Ревизия приехала.

Когда мы вышли в коридор, то заметили, что открываются и другие камеры. Нас группировали по десяти человек и выводили во двор. Там до самых ворот стояли в два ряда вахтмейстеры с карабинами наготове. Приказав бежать, они покрикивали на нас: «Быстрее, быстрее!» Мы забежали за угол тюрьмы, где также с оружием стояли гестаповцы. В темноте кто-то приказал остановиться. Земля была покрыта снегом, и на ней виднелись пятна крови. Сзади нас стоял высокий толстый человек в военном, но лица его я не разглядел. Он командовал: «Лечь на землю лицом вниз и вытянуть руки над головой!» Все легли, я тоже. Стали раздаваться одиночные выстрелы. Сзади меня тоже раздался выстрел, и я почувствовал сильный удар в голову, но сознания не потерял. Кто-то подошёл и потащил меня за ноги. Затаскивая меня за угол здания, он бросил меня на землю, уже задушенную трупам задушенных. Тюремщики подтащивали всё новые и новые трупы, и один из них бросил на меня. Было ужасно холодно, а тут ещё я сразу стал мокрым от крови расстрелянного, которая била у него из ран. Утром я узнал в нём Эмиля Ленгранда. Немцы бежали, а я спрятался в подвале завода...

В госпитале подполковника Левитича близ Берлина мы узнали, что Лео

Эсселер чудом спасся от смерти. Пуля прошла затылок и вышла навывлет через правый глаз. Наши врачи спасли ему жизнь.

У сэрба Савича пуля прошла краем шеи, но он несколько часов не двигался среди трупов, притворившись мёртвым. На фото вы видите его улыбающимся. Наднях он выписывается из госпиталя и возвращается в родную Югославию.

С ним вместе вернётся на родину и хорват Вскослав Лечек из Загреба. Его при расстреле ранили в плечо и руку, и он потерял сознание.

Надзиратели показывают, что расстрел во дворе Зоненбургской тюрьмы продолжался с 10 часов вечера до 1 часа 15 минут ночи, то есть 3 часа 15 минут. Все заключённые были расстреляны, кроме трёх, случайно оставшихся живыми.

Война закончена, и Париж судит убийц и предателей Франции. Среди них первым на скамье подсудимых был маршал Петэн. Вглядитесь в эти фотографии — и вы поймёте, почему Петэн молчал на процессе. Тысячи французских, брошенных в тюрьмы и концлагери Германии, — это дело его рук! Вот лежит с разможжённым черепом французский профессор Такоеш Морис. Он брошен в Зоненбургскую тюрьму Петэном. Вот с кандалами на руках старый парижанин, отказавшийся работать на немцев и тоже отправленный в Зоненбургскую тюрьму.

Наднях на Эльбе задержаны палачи Зоненбургской тюрьмы, руководившие расстрелом. Их везут обратно в Зоненбург, судить! Мы не забудем наказа Франции, кровью написанного погибшими парижанами в тюрьме Зоненбурга: «Москва отомстит за Париж!»

Берлин, Зоненбург. Август 1945 года.

В начале июля «Чикаго дэйли ньюс» и более ста других американских газет опубликовали записи из дневника бывшего министра иностранных дел фашистской Италии Чинано. «Чикаго дэйли ньюс» указывает, что о существовании дневника было известно немцам, но жена Чинано, бежавшая в Швейцарию, увезла дневник с собой.

Чинано был женат на старшей дочери Муссолини. Министром иностранных дел фашистской Италии он был с 1936 года до января 1943 года. О нём говорили как о возможном преемнике «лучше». Чинано был правой рукой Муссолини во всех его международных авантюрах: при подписании так называемого «антикоминтерновского пакта», итапо-германского союза, при интервенции в Испании, при захвате Албании, при нападении на Грецию и, наконец, при вступлении в войну на стороне Гитлера.

В записях Чинано можно найти кое-какие любопытные данные, бросающие свет на предисторию второй мировой войны, затеянной Гитлером и его сообщниками.

7 апреля 1939 года итальянский фашизм захватил Албанию. 10 апреля Чинано записал:

«Реакция за границей (на оккупацию Албании) начала ослабевать».

Германия была заранее уведомлена о намерениях фашистской Италии. 5 апреля читаем:

«Риббентроп сказал, что Берлин благосклонно относится к нашим действиям в Тирине, потому что эти действия представляют собой укрепление позиций держав оси».

Какие позиции имелись в виду, ясно из записи от 12 мая:

«Все дороги в Албанию заданы таким образом, что они ведут к греческой границе. Это делается по приказу дуче (Муссолини), который всё больше думает о нападении на Грецию при первой возможности».

Нападение произошло 26 октября 1940 года.

Весьма любопытны записи, из которых явствует, что гитлеровцы, подготавливая войну, до поры, до времени скрывали от «союзников» направление «главного удара» и его сроки: в Берлине, видимо, не вполне доверяли итальянским прихлебателям. Этим можно объяснить, что сообщения итальянского посла в Берлине Аттолико и германского министра иностранных дел Риббентропа часто расходились между собой.

20 апреля Чинано заносит в свой дневник:

«Я показал ему (Муссолини) важное послание от Аттолико, в котором тот сообщает, что военные действия Германии против Польши неизбежны. Это означало бы всеобщую войну».

21 мая:

«Я прибыл в Берлин... Моя первая беседа с Риббентропом. Ничто не изменилось со времени миланских решений. Он повторил, что интересы Германии требуют длительного мира, по меньшей мере в течение трёх лет».

1 августа:

«Аттолико... предупреждает, что

неожиданное решение будет принято к 15 августа».

В начале августа в Зальцбурге (Австрия) состоялась встреча Чинано с Гитлером и Риббентропом.

Запись от 11 августа гласит:

«Риббентроп отвечает уклончиво, когда я его спрашиваю о деталях немецкого плана. Решение восвать — непреклонно. Риббентроп отклоняет любое решение, которое могло бы дать удовлетворение Германии и позволило бы избежать войны. Я уверен в том, что если бы немцам дали даже больше, чем они просят, они бы всё равно напали... Я спросил: «Что вы хотите? Данциг или Польский коридор?» Риббентроп ответил: «Больше, чем то и другое, мы хотим войны».

Сообщая, далее, о беседах с Гитлером, дневник продолжает:

«Гитлер... желает побудить нас нанести как можно скорее окончательный удар Югославии... Гитлер решил восвать. Он повторил, что конфликт с Польшей может быть локализован, но его убеждение в том, что великая война должна разразиться, пока он, Гитлер, и дуче ещё молоды, заставляет меня думать, что он снова нарушит своё слово. Что касается нас, то для нас союз с нами означает только то, что противник должен будет держать ряд дивизий против нас и тем самым ослабить своё положение на военном фронте немцев. Немцы не беспокоятся ни о чём больше. Судьба, которая нас ждёт, их не интересует ни в малейшей степени. Они знают, что решение будет принято ими, а не нами. Они обещают нам только нищенские крохи».

В чём заключаются эти «крохи», видно из следующей записи:

«Мнение дуче меняется. Сначала он соглашается со мной. Затем говорит, что честь заставляет его идти вместе с Германией. В конце концов он заявляет, что хочет получить свою долю добычи — Хорватию и Далмацию».

Две записи в дневнике упоминают о немецкой оценке перспектив войны с Советским Союзом.

21 мая 1939 года Риббентроп в Берлине говорил с Чинано о Советском Союзе. Чинано записал:

«Риббентроп считает, что Россия слишком слаба для того, чтобы оказать большую помощь западным демократическим странам, даже если она будет стоять на их стороне».

После разбойничьего нападения на СССР Чинано записал:

«В предыдущее воскресенье, 16 июня (1941 год), я встретился с Риббентропом в Венеции, где мы обсуждали вопрос о включении Хорватии в тройственный пакт. Весь мир был полон слухов об агрессии против Советского Союза... Я спросил Риббентропа об этих слухах. «Дорогой Чинано», — ответил Риббентроп, — я пока ничего не могу сказать вам, так как все решения находятся под знаком неопределённости. Духа фюрера. Но одно верно: если мы нападём на русских, Россия будет сметена с лица земли в течение 8 недель».

Что произошло на самом деле, хорошо известно!

ВЫСОКИЙ БЕРЕГ

Татьяна Окс

Рисунок В. Высоцкого

Рассказ

По пути от Волги до Судетских гор лейтенант Луконин привык к мысли о том, что война испепелила его дом, разметала по дорогам близких, и на вопрос о семейном положении почти без горечи отвечал: «Командир роты...» Рота стала семьёй. Правда, состав этой большой семьи менялся, да и сам Луконин четыре раза попадал в госпиталь, а оттуда возвращался в другую часть. Сначала ему всегда казалось, что лучшие друзья остались в той, старой части или погибли в бою и вряд ли на новом месте, с новыми людьми он будет чувствовать себя так же просто и хорошо. Но шло время, Луконину открылся секрет фронтовой дружбы, он научился в толпе новичков чутьём угадывать хороших солдат, нескупных на старание, на завёртку табаку, на шутку, — тянулся к ним, тянул за собой тех, кто послабее, и равновесие в боевой семье налаживалось.

В Германии Луконин затосковал. Чувство это началось с глухой неприязни к накрахмаленному немецкому пейзажу, к домам, забитым неуклюжей мебелью, позолоченным фарфором, ворохами заштопанных тапок. Однажды связкой Луконина боец Солодовников принёс в комнату, где остановились на ночлег, охапку странных, тонких веток, усыпанных золотистыми цветами, и сказал: «Весна, товарищ старший лейтенант!» Луконин впервые заметил, что окно в комнате растворено настежь, а за окном чернеют поля, кой-где тронутое зелёной, и вечернее небо подёрнуто той лёгкой, влажной дымкой, которая бывает только весной и от которой предметы теряют привычные очертания, обретают новый облик и значение. «Скоро конец войне, товарищ лейтенант, — сказал Солодовников, осторожно расправляя золотые ветки. — Сведку сегодня слышали?»

Луконин промолчал. Но у него осталось неясное ощущение досады на себя, словно он не сумел ответить бойцу на какой-то важный вопрос. В сумерки Луконин по привычке прошёл по расположению, от кружка к кружку, но не присаживался к бойцам, как обычно, а, постояв на пороге, шёл дальше, хмуро разглядывая что-то поверх крыш. К ужину приехал друг, артиллерист капитан Кочин, — пожилой весёлый человек, с блестящей, лысой головой и сияющими голубыми, словно новенькими глазами. Заметив цветы на столе, он подошёл к ним, округлив руки, как для объятия, понюхал и, хмурясь, сказал:

— Сводку слышал, Василий? Весна...

— Весна весной, — с раздражением сказал лейтенант, — а завтра меня под высоту 37 ставят. Конкретно, подальше, по пять раз в сутки...

— А ты обижаться, что ставят? — Кочин оторвался от цветов и заредел стулом, пристраиваясь к столу.

— Нет, почему? — растерянно переспросил Луконин. — Не в том дело...

— А в чём?

Луконин почувствовал, что он не сумеет ответить. Он стоял и растерянно глядел на капитана, но в это время Солодовников принёс ужин, Кочин отвёлся, и лейтенант облегчённо вздохнул. В этот вечер Кочин был веселее, чем обычно, много рассказывал — всё больше забавные истории из студенческих лет, потом вынул из кармана фотографию и протянул через стол.

себя разговорился, как не говорил уже давно. Он рассказывал о дедовском доме на высоком берегу Волхова, об отце, который в шестьдесят два года загнал на лыжах лоса, о матери, разбившей и мирившей все ссоры в семье, и о младшей сестре — Меньшой. Он говорил, и угрюмый немецкий дом становился теплее, и в пыльном зеркале, исполосованном трещинами, возникало нежное лицо Меньшой с маленькими розовыми губами и смеющимися глазами.

У Луконина было три сестры, но он вспоминал только о Меньшой.

Она держала правую руку у рта и покусывала тонкие пальцы.

— Жинка прислала. Направо — старший, Женя, налево — младший, Борис. Хороши? А от своих ты так ничего и не имеешь?

У Луконина перехватило горло. Он молча покачал головой, отломил ветку и стал крошить перед собой цветы.

— Ты ведь новгородский? — заговорил Кочин. — Хорошие места! Мы там воевали. В самом Новгороде жил?

Луконину трудно было произнести только первые несколько фраз. А потом он неожиданно для

себя разговорился в мать, вышли замуж и жили в других городах. А Меньшой к началу войны исполнилось пятнадцать лет, у неё появлялось в день сто причуд и желаний, она росла отчаянным сорванцом, и мать часто ссорилась с отцом, требуя, чтобы он прибрал к рукам девочку. Отец говорил, что семья Лукониных прожила большую, трудную жизнь, а Меньшой довелось расти в хорошее время, когда с каждым днём становилось меньше забот и больше радостей, и пусть она получит от жизни хорошего за всех Лукониных сразу. Вспо-

минам о сестрёнке, старший лейтенант всегда видел нежное лицо неподвижным и думал, что так лучше. Он никогда не делал догадок о её судьбе, не загадывал о встрече. Да и что загадывать? Лучшее безвестная могила для такой, как Меньшая, чем немецкая каторга. Луконин воевал четвёртый год и хорошо знал, что такое немец.

Когда Луконин замолчал, капитан встал, вздохнул и сказал неожиданно, без связи с последней фразой друга:

— Ни черта... Кончится война, подберёшь себе хорошую, душевную, поставишь новый дом на высоком берегу. Я в гости приеду рыбу ловить, — капитан подумал и прибавил, — с Борькой. Жена пишет: он, поросёнок, у дядьки из аквариума всех рыб на булавку перестаскал, в меня растёт, рыбаком.

Луконин недобро усмехнулся. Про себя он подумал, что вряд ли так случится. Большое напряжение последних лет, привычка думать о других, отстранять личное притупили в нём интерес к своей судьбе. Перед началом войны была девушка, с которой он чувствовал себя легче и лучше, чем с другими, но грянула война, Луконин ушёл рядовым бойцом в армию, немцы взяли Новгород, и следы Гали — так звали девушку — затерялись, как и следы Меньшой. Не то чтобы он забыл Галию, нет. Но воспоминание потускнело, и всё, что связано было с ней, казалось где-то слышанным или прочитанным в забытой книге.

— Бряд ли! — повторил он вслух. — Постарел я, Кочин. Иногда думаю: кончится война и растеряюсь, — как быть?

— Брось, брось! — сердито перебил Кочин, надел фуражку, отчего сразу стал выше и солиднее, протянул руку и ещё раз строго сказал: — Брось! Муть это всё. Да, я планшет у тебя хотел попросить, мой осколок пробило, а у тебя два... Выручи друга.

Всё хорошее и неожиданное приходит просто. И если бы Луконину сказали, что спустя месяц после этого тоскливого вечера он встретит Меньшую, воображение его нарисовало бы самые трагические и сложные картины. Он только что пришёл от комбата, рота выходила из боя и становилась на отдых в глухом немецком городке. Солодовников доложил, что его, Луконина, спрашивает какая-то девушка.

— Это из освобождённых девчат, я просил, чтоб прислали поубираться, — пробормотал Луконин, стягивая с плеч пыльную гимнастёрку. — Скажи Конюшкову, чтоб мыла дал и показал, какие дома убирать. Да воды тащи похолоднее...

Солодовников объяснил, что девушка хочет видеть именно его, Луконина. У старшего лейтенанта мелькнула мысль: может быть, зомаячка, ему уже приходилось встречаться в Германии с новгородскими. Он вышел из дома и увидел на крыльце высокую девушку, повязанную яркой косынкой, она держала правую руку у рта и покусывала тонкие пальцы. Заметив этот жест, Луконин вдруг ощутил болезненный толчок в сердце: так покусывала пальцы Меньшая, когда была чем-нибудь взволнована. Он стиснул губы и вцепился правой рукой за ремень;

тогда девушка улыбнулась и тихо назвала его по имени.

— Как же это ты? — пробормотал Луконин, всё ещё не веря, не понимая.

— Я к тебе, — вздохнула девушка, хотела засмеяться, но отвернулась, уткнувшись лицом в стену и беззвучно заплакала.

Потом они сидели на пыльном диване, в комнате с проломанным потолком и множеством уцелевших расписных тарелочек на стенах. Разговор вязался с трудом. Маленькая разглядывала брата, следила за Солодовниковым. Узнав, что гостя — сестра командира, Солодовников ощутил приступ хозяйственного энтузиазма, вооружился тряпкой и принялся заводить стальные часы. Луконин устал его, но разговор не оживился, лицо Маленькой погрузилось, она нахмурила брови и вопросительно взглянула на брата.

«Очерствел я, — с горечью подумал Луконин. — Ведь сестра, родная сестра! Сколько лет не виделась? Год войны за три года считается, он подчитал и испугался: по военному счёту, выходило двенадцать лет. — Большой срок, за двенадцать лет можно целую жизнь прожить! Как прожила эти годы Маленькая? Расставались — была тоненькая заплаканная девочка, а теперь пришла девушка с незнакомым лицом, сидит рядом и думает о своём. О чём она думает? Почему молчит? Почему ей нелегко и не радостно с братом?»

— Не рад? — с вызовом, сурово спросила Маленькая.

— Нет, что ты, рад, конечно! — затормозил Луконин. — Рад. Знаешь, ты сначала в лагерь попала?

— Да... Стариков в один лагерь погнала, меня — в другой. Так и больше их и не видела. Три месяца в лагере побывала, решила бежать. Били очень и ещё другое, — она неловко дернула плечом, отвела глаза. — Часть немецкая близко стояла, солдаты приходили, брали девушек в казармы. Многие девушки сговаривались, и когда вечером вели с работы, разбегались в стороны от конвойных. Ну, тут, конечно, на счастье рассчитываешь: кого подстрелят, кто уйдёт.

— И ты бежала?

— И я. Мы хотели на родину уйти, да заблудились — поймали. Зашли переночевать в развалины, а тут облава. Избили, конечно, и угнали дальше в Германию, на завод. Ох, и озлобилась же я!

— Ты?

— Ну да. Решила: не буду работать. Хуже смерти не придумают. Но там ребята были хорошие, наши, русские, — вот они меня и научили, как надо делать: три детали хорошо точить, пять — кое-как, с брачком, две — запарывать. Понимаешь, если сразу много запороть, — убьют — и всё. А так здорово получалось. В Октябрьскую годовщину мы неаккуратно сделали, много запороли, нас, конечно, в подвал. «Гума» дали, резиновая дубинка. знаешь?

— Знаю...

— Ну, вот. И всех, кто много запорот, в шахты на работу.

— И тебя?

— Да. Там хуже было. Без одежи на морозе работали. Я на погрузке. Бараки щелстые, одеда нет, мешок из-под угля выстира-

ешь и накрываешься. Кормили, знаешь, как? Триста граммов хлеба и суп из брюквы. Бывало, получишь за месяц пять марок, купишь пайку хлеба, как-то вцепишься зубами!.. Нет, голод хуже всего. Я во какая была, — Маленькая широко округлила руки, — как бочка. Это от горячей воды — мы всё воду с солью пили. Потом меня ни с того, ни с сего переводят в сортировку. Я думаю: что такое? Там же тёплое помещение и работа легче. Спрашиваю Галю, помнишь, такая Галя к нам ходила, Горчилиных дочка, старше меня на три года?

— Помню...

— Мы с ней в одной партии. Спрашиваю её, к чему бы это? Поговорили — ладно. Работают. Через два дня вызывает Вредная Мелочь — мастер, немец, ребята его так прозвали. «У вас, — говорит, — плохая одежда. Возьмите талон на справку. Справа — спецовка, куртка тёплая и штаны, а выдавали её только немцам. Вижу, дело плохо, посоветовалась с Галей. Она тоже говорит: плохо дело. Понимаешь, у нас девчата с немцами не гуляли. Разве какая-нибудь самая последняя свяжется!.. Ты не усмехайся, плохое всегда замечнее, и разговору больше. Да и не то у девчат на уме было, голодные, работаем по восемнадцать часов. Я знала, мне от Вредной Мелочи смерть, он так не огорстанет — не по-хорошему, так силой возьмёт. В общем мы с Галей его обманули, попросились в город землячку навестить и не вернулись в лагерь.

— А куда же пошли?

— Так... — Маленькая нахмурила брови и съёжилась. — Никуда. Скитались по глухим местам. Иногда кто-нибудь из своих поделится куском. Потом опять нас поймали. Били... Галину на химический завод угнали, а меня — в бетонную яму. Расстались мы с ней.

— В яме тяжёлое было?

— Я уж привыкла к тяжёлому. Одежда там никогда не просыхала, вот что худо; так и бродишь, словно пудовые мешки на теле висят. Под утро примёрзнешь к нарам, отдираешься, отдираешься — и смех и горе. Кормили тоже плохо. Нет, там трудно держаться. А кто ослабнет, в барак для больных, подберётся партия больных, отправляют на уничтожение. Барак этот, проклятый, посреди лагеря стоял — откуда ни взглянешь, видно его. Крыша чёрная, горбатая, на окнах решотки. Я уж думала, не выбраться мне из ямы, но у нас партия подобралась дружная, из Ленинградской области ребята, из Украины, Ростова. Партийная организация была, партзносцы пайками принимали и от комсомольцев тоже, а потом делили среди ослабевших. Меня как-то две недели кормили. Одно было хорошо — бомбёжки. Ох, знаешь как вы тогда бомбили!

— Крепко?

— Ты бы хоть разок с нами побыл, тогда узнал бы. Как зайдут, как начнут стегать!.. Мы в ямы, прижмёмся друг к другу; пока бомбят — страшно, а улетят — так хорошо на сердце станет... Значит, приближается фронт, понимаешь? Потом эвакуация, немцы забегали, мы смотрим: плохо дело, надо опять бежать, а то загонят ещё глубже. Один раз повели на

станцию грузить, мы и бежали — тридцать человек. Ушли в лес. Есть было, правда, нечего, но продержались. Ох, Вася, когда человек знает, чего он хочет, продержится!..

— Это верно.

— Вот Галя жалко. А ведь ты её забыл! Мы, бывало, придём с работы, заберёмся на нары и вспоминаем, вспоминаем... Она мне всё про вас рассказывала, драммы, Вася, вот что! За ней итальянец один заключённый ухлёстывал, профессор, он до войны этим был, как его... Ну, которые из земли черепочки достают, монеты... На архиерея похоже, только по другому.

— Археолог.

— Вот, вот. Он в лагере очень хорошее положение занимал, уборщиком на кухне. Всё равно Галя от него ничего не брала. А потом сказала: «Отстаньте вы от меня, я замужем!» И я ему сказала: «Она моего брата жена, отстаньте!» Ты что, женился?

Луконин невольно улыбнулся. Он вспомнил: если отцу надо было задать опасный вопрос, он никогда не хитрил, а заглядывал в глаза и спрашивал в упор: «Ты трогал моё ружьё?», «Где взял деньги на театр?», «Узенькие, светлые брови Маленькой были стянуты, как у отца, и смотрела она на брата выжидающе, в упор, суровыми, луконинскими глазами.

— Конечно, женился. Пять раз. У меня, знаешь, времени на эти дела много было...

— Вот и я ей так говорила, — просветлела Маленькая. — А сейчас было подумала... Очень уж ты красивый стал!

— Я?

— Офицер... Я в нашей группе старшая, мне говорят: «Пойдите к офицеру Луконину, он со своими людьми из тяжёлых боёв вышел, помогите дома убрать, белье постирать, чтоб луконинны хорошо отдохнули». Я спрашиваю: «Какой Луконин, не Василий?» А сердце в самые пятки ушло... А ещё когда сюда пришла, бойцы не пускают к тебе: «Он, — говорят, — пять суток не спал, отдыхает...» Ты большой начальник?

— Очень большой.

— Врёшь! Я вижу. Галя бы порадовалась за тебя, знаешь, как? Она ведь тебя больше всего на свете!

— Ладно, ладно... Ты мне лучше вот что скажи: куда вас отправляют?

— Домой. Я в Новгород поеду.

— А может, в другое место. Маленькая? Новгород очень развит. С жильём туговато, родных у тебя нет...

— Нет, домой. Мне, Вася, теперь никогда больше трудно не будет. Трудное позади, — она протянула мягким, ласковым движением руку, положила её на руку брата, улыбнулась и приобвила. — Дай, хоть я тебя ещё разок поцелую. Васёк, а то всё говорим, говорим... Соскучилась я очень! Иногда знаешь, как бывало...

И, когда Луконин бережно обхватил ладонями маленькую, тонкую руку, он тихо спросил сестру:

— Химический завод этот в каком районе?

— Говорили, что под Дрезденем километров сорок. Сил хва-

тит — продержится. Она, Вася, крепкая. Она очень упрямая. Она никогда не жаловалась, меня тянула. Бывало, сунет кусок... Эх, да что рассказывать!

— Под Дрезденем — это хорошо, — вздохнула Луконин и прижал ладонь Маленькой к своему лицу. — Там уже наши...

Меньшая осталась ночевать в доме Луконина. Несмотря на усталость он долго не мог уснуть, часто подходил к дверям в соседнюю комнату и прислушивался к тяжёлому, неровному дыханию сестры. Она спала, свернувшись клубочком, стараясь занять как можно меньше места, одевало нагнула на голову и иногда садилась и пугливо бормотала что-то в полусне. Некоторые фразы Луконину удавалось понять, и тогда он морщился, как от боли, и к сердцу подкатывала тяжёлая, неукротимая злость. Искривив четверть пачки табаку, он встал и пошёл по расположению. Стояла облачная, тёплая ночь, трудно было разгадать часового в нескольких шагах, а не то что химический завод за много, много километров. Но когда Луконин вглядывался в темноту и думал о Гале, впервые за последние годы он отчетливо видел высокий берег и чувствовал на своих ладонях прохладную тяжесть тугих тёмных кос. Он думал ещё, что всё хорошее приходит неожиданно и просто. Вот так пришла Маленькая, так пришла спокойствие, так придёт счастье.

Он старался восстановить в памяти прошлое — тяжёлый, долгий путь от Волги до Сулейских гор. Есть спасительное свойство человеческой души — память бережно сохраняет хорошее и гасит плохое. И теперь он видел лица товарищей, видел боевые рубежи, на которых довелось ему испытать высшее счастье солдата, — радость победы, видел избы, в которых чьи-то заботливые руки обстирывали его, совали на прощание чёрные летшки, испечённые из последней муки. Он снова увидел сгорбленного, молчаливого крестьянина, того, который вызвался показать брод и пошёл впереди Луконина навстречу немецким пулям. Вздвг вышел и смял немцев, крестьянин остался в болоте, и даже имени его не удалось узнать. А как сказала девушка в последней русской деревне? «Досиданьчик, родные, ох, и ждате мы вас будем, приходите скорее!» Это были последние слова на родном языке. Тогда они затерялись в памяти, а сейчас горячо обожгли сердце.

Бывают минуты, когда человек прислушивается к своей душе и вдруг многое поймёт, станет взрослее, крепче. Четыре года — большой срок. На войне год считается за три; двенадцать лет — целая жизнь. В этот вечер Луконин впервые отчетливо понял, что из своей суровой, боевой жизни он выносит не только память горя и страдания, но светлую, животворящую память сердца, бережно сохранившего каждый подвиг, каждое тёплое слово, каждое родное лицо. Оно закалилось в пламени войны, наше сердце, обрело великую силу правых и стойких, и теперь, когда счастье победы пришло, нет такой преграды, которая могла бы удерживать человека перед его большой, заслуженной наградой.

Германия, июль.

МАСТЕР «ПОТАЕННЫХ» СУДОВ

Виталий Тренёв

В 1718 году крестьянин Ефим Никонов подал Петру I прошение, в котором заявлял, что может сделать подводное «огненное» судно для скрытного нападения на неприятельские корабли, «когда на море будет тишина и оным судном будет ходить в воде потаённо и разбивать корабли».

Петр I заинтересовался делом и дал ему ход. Определением адмиралтейств-коллегии от 31 января 1720 года приказано было Никонову прислать в контору генерал-майора Головина и здесь он должен был осуществлять свой проект, пока что только в виде модели. Приказано было по требованию «оного крестьянина» всё, что нужно для дела, из лесов, мате-

Солдат морской пехоты русского флота (1715—1732 годы).

риалов, а также и мастеровых людей, отпускать беспрепятственно. Жалованье Никонову было положено в день «3 алтына и 2 деньги».

Именовали его мастером «потаённых» судов.

В мае 1723 года Никонов был взят полицией «с обнажённым палашом» и доставлен в адмиралтейств-коллегию. Коллегия постановила содержать его под надзором «до указа». Обнажить шпагу по тем временам означало, что преступник немаловажный.

Работы по постройке моделей подводного судна тянулись медленно. Долго хлопотал Никонов о том, чтобы ему выдали для постройки судна «10 медных труб, начинённых порохом и обмазанных селитрою». В августе 1724 года состоялся указ адмиралтейств-коллегии о посылке «промеморни» в главную артиллерию об изготовлении этих труб. (Повидимому, это была попытка создать подводные мины — наступательное оружие подводного судна.)

Но дело пока оставалось в прежнем положении. В декабре того же года коллегия приказывает снова Никонову отослать в адмиралтейскую контору и велеть ему доставлять суда, а медные трубы сделать в месячный срок. Приказано было осмот-

реть имеющиеся на постройке материалы и если чего недостаёт, то отпустить из магазинов конторы, а если чего в магазинах нет, то покупать. К Никонову приставить «капрала или солдата доброго и велеть быть у того дела неотлучно».

Через два месяца с небольшим Никонов кончил свою работу. Это было уже после смерти Петра I. 9 марта 1725 года в адмиралтейств-коллегию об окончании работ поступил рапорт. Коллегия решила «об оных судах доложить генерал-адмиралу и президенту адмиралтейств-коллегии Апраксину и о том же требовать совета и от генерал-майора Ушакова, а помянутого Никонова отдать до указа на росписку».

Ушаков был начальником тайной канцелярии, и дело это ввиду секретности подлежало его ведению.

Апраксин решил испытать суда, когда вскрыется и пройдёт лёд на Неве.

Однако готовые суда были повреждены, вероятно, при походе. В сентябре 1725 года капитан Мишуков докладывал Екатерине I о проекте Никонова, и императрица приказала адмиралтейской конторе сделать по предложению Никонова новую модель без всякого замедления. Здесь есть указание на то, что модель «потаённого» судна делалась из «юхотных кож».

Между тем с окончанием первой модели прекратилась выплата жалованья строителю, и на жалобу Никонова, что ему нечем кормиться, 14 июня 1726 года приказано коллегией выдавать ему для пропитания 3 копейки на день. На первый случай для этого была отпущена сумма в 50 копеек, которая скоро и исчерпалась, и снова Никонов слёзно молит о настоящем пропитании. 29 декабря коллегия подтверждает своё прежнее распоряжение о выдаче Никонову 3 копеек на день и приказывает следить за тем, чтобы к следующей весне судно было готово для испытания.

На испытаниях судно не оправдало возложенных на него надежд. Адмиралтейств-коллегия не стала слушать объяснений Никонова и его просьб о том, чтоб дали ему возможность ещё раз переделать модель. Коллегия постановила 29 января 1728 года, что Никонов своих обещаний не сдержал и судно указанных качеств сделать не мог, «хотя и строил из адмиралтейских припасов и адмиралтейскими служителями и на строение тех судов употреблены из адмиралтейских доходов немалые суммы, но оная (модель) по пробам явилась весьма не действительна...»

За эти «недействительные строения», на которые была потрачена значительная сумма денег, Никонов был определён в адмиралтейские работники и отослан в Астраханское адмиралтейство под караулом. А жалованье и мундир были определены такие же, как и другим «адмиралтейским работникам».

Так закончилась деятельность этого изобретателя-самоучки.

Какова была истинная конструкция первой в мире подводной лодки, точно установить сейчас трудно. Однако нужно надеяться, что в делах морского архива (ЦГВМА) можно отыскать чертежи никоновского судна, а также и дальнейшие материалы по истории вопроса.

1
Возьми себе в образец героя древних времён, наблюдай его, иди за ним след, поравняйся с ним, обгони... слава тебе!

2
Человек — это звучит гордо.

3
Поэтом можешь ты не быть, Но гражданином быть обязан.

4
Я страстно люблю русского человека, русскую речь, русский склад ума, русскую красоту лиц, русские обычаи.

5
В одно утро я проснулся и увидел себя знаменитым.

6
А он мятежный ищет бури, Как будто в бурях есть покой.

7
Впрочем, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен.

8
Никто, батюшка Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами всякого обидите.

9
Ученьем вредным, с юных дней Нам стоит раз лишь напиться, А там во всех твоих поступках и делах, Каков ни будь ты на словах, А всё им будешь отзываться.

10
Кто хорошо служит своему отечеству, — тот не нуждается в предках.

11
Смеяться, право, не грешно Над тем, что кажется смешно.

12
Я беру свою собственность, где её нахожу.

13
А мне за песни и за сон Не надобен ни миллион.

14
Кто, служа великим целям века, Жизнь свою всецело отдаёт На борьбу за брата человека — Только тот себя переживёт.

15
Хотел бы в единое слово Я слить мою грусть и печаль.

16
Насмешники часто становятся пророками.

17
Я глупостей не чтец, А пуще образцовых.

18
В Европу прорубить окно, Ногою твёрдой стать при море.

19
Его, как первую любовь, России сердце не забудет.

20
Ведь были ж схватки боевые? Да, говорят, ещё какие!

21
Галантерейное, чорт возьми, обхождение.

22
Праздная жизнь не может быть чистой.

Напечатанные в прошлом номере изречения и выдержки принадлежат: 1 — Грибоедову, 2, 8, 13 — Крылову, 3 — Басю, 4 — Некрасову, 5 — Веригину, 6 и 18 — Пушкину, 7 — А. К. Толстому, 9 — Шекспиру, 10 — Лермонтову, 11 и 16 — Козьме Пруткову, 12 — Гоголю, 14 — Маяковскому, 15 — Тургеневу, 17 — Есенину, 19 — Гёте, 20 — Сухово-Кобылину. Иллюстрация в заголовке — картина худ. Тропинина «Базначёйша».

ВЕСЕЛО, ОСТРОУМНО. ЗЛОБОДНЕВНО...

Фото Е. Ренца

Ленинградский театр миниатюр под руководством Аркадия Райкина показал свою новую работу — «Своими словами» (авторы — Владимир Массе и Михаил Червинский). Большую и разнообразную программу, в

Руководитель Ленинградского театра миниатюр Аркадий Райкин.

которую входят скетчи, фельетоны, интермедии и другие эстрадные жанры, легко и непринуждённо исполняет коллектив из пяти человек; слова, которые говорят актёры, кажется, пришли им в голову тут же, на сцене.

В представлении затронуты актуальные, злободневные темы, обо всём этом театр говорит своими, присущими только ему словами.

Семь лет назад Москва узнала Аркадия Райкина как конференсье. Но это был не самодовольный остряк, а обязательный юноша с оригинальной, совершенно необычной манерой конференса, чередующегося с исполнением интермедии.

На эстраду Райкин пришёл из театра, где много играл Мольера, Гольдони, Гоцци, — отсюда его любовь к весёлой, короткой интермедии, шуткам, маскам. Завоевав симпатии зрителя как конференсье и исполнитель интермедии, Райкин перешёл к освоению новых жанров. В дальнейшем мы видим его исполняющим пьесы, скетчи и создающим типические, обобщающие образы.

В этой программе театр освоил жанр, забытый сейчас на эстраде, — трансформации. При этом Райкин не только виртуозно, мгновенно

но передевается, но абсолютно перевоплощается. Походка, жест, голос, манера говорить, ритм — всё это создаёт совершенно законченный образ. Порой кажется, что играют разные актёры.

У Райкина дар: двумя — тремя штрихами он создаёт образ. В рассказах, фельетонах, которые он читает, проходит перед нами галерея образов, и для каждого артист находит особые, характерные, запоминающиеся черты. Изображая лежучих, обывателей, непослушных ребят, Райкин потом весело смеётся над ними вместе со зрителем. Но наряду с лёгким, незлобным юмором в этой программе ощущаются сатирически изображённые персонажи. В «Театральном разъезде» артист беспощадно разоблачает подхалима, интересующегося в театре больше всего тем, «как реагировало начальство».

Большое место в программе уделено пародиям на театральные темы. Тут и цирк, и тенор, до старости пьющий одну и ту же арию,

Мгновенные превращения...

В. М. Бахметев.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПИСАТЕЛЬ

К 60-летию со дня рождения
В. М. Бахметева

Недавно советская общественность отмечала шестидесятилетие со дня рождения известного писателя Владимира Матвеевича Бахметева.

В. М. Бахметев — автор многочисленных рассказов о представителях рабочего класса и его авангарде — большевиках, показанных в обстановке революции, гражданской войны и социалистического строительства; автор романа «Преступление Мартына» о формировании нового человека и романа «Наступление» о героическом прошлом русского рабочего класса.

В центре творческого внимания В. Бахметева всегда стоит труд и человек труда. С любовью изображает Бахметев своего рядового героя, показывая, как в борьбе и труде раскрываются яркие, самобытные черты русского рабочего, его внутренняя честность и чувство долга перед народом и родиной.

За выдающиеся заслуги в области литературы правительство наградило Владимира Матвеевича высшей наградой — орденом Ленина.

и псевдоромантическая драма. К последней относится драма Проспера Мериме «Африканская любовь», поставленная театром, но с новым прологом и эпилогом, в которых действуют современные персонажи.

Всё это разыгрывается с хорошим юмором, умной пародийностью и большим тактом.

Очень хорошо, с большой теплотой рассказывает Райкин об огромной любви народа к своим прославлен-

ным полководцам в фельетоне «Земляки».

По окончании московских гастролей театр возвращается домой, в Ленинград, где будет работать над новой программой.

Ирина Вершинина

ОРУЖИЕМ ИСКУССТВА

В Москву из Дрездена возвратился фронтовой филиал вахтанговского театра. Славный путь прошёл он по дорогам войны. Сорок месяцев провели артисты на фронте. Больше миллиона бойцов смотрели 1650 спектаклей.

«Настоящий фронтовой» — так любовно окрестили бойцы коллектив вахтанговцев. Их видели в самых жарких местах — на Курской дуге, на правобережном плацдарме Днепра. С 1-м Украинским фронтом прошли они весь исторический путь от Воронежа до Берлина. Повсюду входили они в наши освобождённые города вместе с доблестной Красной Армией. И, наконец, вместе с бойцами, гонимыми фашистскими захватчиками, вступили на немецкую землю. Артисты играли для наших бойцов в немецких городах Бреслау, Дрездене и в Берлине.

Организатор этого небольшого театрального коллектива — молодой актёр И. Спектор. Вместе с художественным руководителем заслуженной артисткой А. Орочко, режиссёрами А. Ремизовой и А. Габовичем он спаял и организовал дружеский коллектив актёров.

Театр на фронте встретился с огромной и разнообразной аудиторией. Основная задача была сделать свои выступления понятными и доходчивыми. Эту трудную и почётную работу коллектив выполнил с

честью. Во всех выступлениях фронтового филиала, в его жизнеутверждающих и ярких спектаклях («Где-то в Москве» В. Массе и Червинского, «Не в свои сани не

от бойцов и командиров артисты за свой самоотверженный труд! Артисты фронтовики пользовались большим успехом и симпатиями у бойцов и офицеров.

«Где-то в Москве». Сцена — прощание на вокзале. Артисты Н. Граве в роли Мельникова и Г. Блажина в роли Нюры.

сидись» А. Островского) сохранил стиль театра имени Вахтангова.

Вахтанговцы выезжали на фронт с полным сценическим оформлением. Машинистом сцены П. Сентюлевым были сделаны специальные, передвижные декорации, кулисы и задники. На спектаклях были введены афиши и программы. У фронтового зрителя создавалось впечатление, что он побывал в настоящем театре. Сколько трогательных и чудесных писем получали

Прославленные полководцы маршалы Жуков и Конев дали высокую оценку работе талантливого коллектива.

За свою самоотверженную деятельность весь коллектив театра награждён орденами и медалями. И вот они снова вернулись в семью вахтанговского театра и с будущего сезона с новыми силами возьмутся за творческую работу.

Гр. Мерлинский

3. ГДЕ УБИЙЦА?

Повесть Н. Шпанова

(Продолжение. Начало см. «Огонёк» № 34)

Рисунки А. Шульца

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Преследуя скрывшегося фашистского агента, советские криминалисты П. Кручинин и его друг оказываются в небольшом городке на севере Европы. В гостинице они знакомятся со шкипером шхуны «Анна» Хьяльмаром Хеккертом, его братом Видкундом (капитаном бомбард) и местным пастором. На следующий день шкипера находят убитым в его каюте. Подозрение падает на Кнуда Ансена, сужившего прохода Кручинину и его другу.

Хьяльмар Хеккерт сидел на койке, упершись руками в привинченный к палубе стол.

Когда мы подошли к фиорду, у пристани, где стояла «Анна», собралась уже толпа. Слух об убийстве быстро разнёсся по городу. Он вызвал не только всеобщее удивление, но и самое искреннее негодование. Покойный шкипер пользовался любовью и уважением сограждан.

Хотя на пристани не было полиции, собравшиеся соблюдали полный порядок.

Мы взойшли на борт «Анны». Несмотря на то что за годы общения с Кручининим я успел изрядно привыкнуть к такого рода происшествиям, мне было грустно при мысли, что жизнерадостный шкипер никогда больше не поднимет этих парусов и его большие красивые руки никогда не возьмутся за отполированные ими спицы штурвала.

Какое-то бормотанье донеслось до меня и заставило насторожиться. Подойдя к двери, ведущей в крошечный капитанский салон «Анны», я увидел пастора. Его широкая спина загромождала весь вход. Я мог только понять, что, преклонив колени и опустив голову на край стола, он читает молитву.

Стараясь не нарушить его настроение, — повидимому, настолько самоуглавленное, что он не слышал даже нашего приближения, — я молча поманил Кручинина. Он приблизился и, так же как и я, заглянул в каюту. Но его колебание продолжалось мгновение. В следующую минуту он уже стоял в каюте и внимательно, как делаю это наверху, оглядывал её внутренность.

Каюта была залита ярким светом. Весёлый солнечный луч сквозь раздвинутый кап падал прямо на безжизненное лицо шкипера. Хьяльмар Хеккерт сидел на койке, откинувшись всем телом к переборке и упершись руками в привинченный к палубе стол, отделивший его от узкого пространства перед входом. Знакомая нам старая фуражка с облупившимся большим козырьком была надвинута на самый лоб.

При нашем появлении пастор поднялся с колен.

— Как печально, — негромко проговорил он. — Мы все его очень любили.

Он поглядел на убитого и надел шляпу.

— Я буду там, — он махнул в сторону палубы и поднялся по трапу.

Как только пастор вышел, Кручинин быстро осмотрел место происшествия. Его замечания были как всегда коротки и адресованы самому себе:

— Удар по голове металлическим предметом...

Как бы в подтверждение он приподнял фуражку, прикрывавшую голову шкипера, и я, действительно, увидел на его темени рану, от которой кровь растекалась к затылку.

— ...нанесён человеком, стоявшим там, где стою сейчас я сам...

Он протянул руку, точно примериваясь. Его взгляд по привычке ссупывал все углы каюты. Внезапно в нём вспыхнул огонёк нескрываемого удовольствия. Взглянув туда же, куда были устремлены его глаза, я заметил лежащий на полу, у переборки, блестящий предмет. Это был кастет. Тот самый кастет, который мы два дня тому назад

рассматривали в руках Кнуда Ансена или, во всяком случае, как две капли воды схожий с ним.

— Пожалуйста, поскорей — нетерпеливо сказал Кручинин, глядя, как я нацеливаю аппарат на кастет и стараюсь захватить кусок трапа, чтобы точнее зафиксировать положение оружия.

Как только щёлкнул затвор, Кручинин

осторожно, обрывком газеты взяв кастет и внимательно осмотрел его. Затем общёл стол, едва не касаясь носом его края, обращённого к двери.

— Я так и думал, — пробормотал он с удовлетворением: — он не мог дотянуться до головы жертвы, не опершись о стол.

И Кручинин наставительно показал мне пальцем на край клеёнки, где я сначала решительно ничего не увидел. Лишь воспользовавшись лупой, я нашёл едва заметный отпечаток белой руки — все пять пальцев.

— Это уже не визитная карточка, а целый паспорт, неправда ли? — проговорил Кручинин. — Сними-ка клеёнку. Вместе с кастетом это составит неплохую коллекцию.

В каюту вернулся пастор.

— Я вижу, — сказал он, — вы тоже нашли то, что я заметил сразу, как вошёл, — и он указал на кастет в руках Кручинина. — До сих пор не могу поверить, что это возможно...

Мы оба поняли, что он подозревает Кнуда.

— У меня в голове это тоже плохо вяжется с образом Ансена, — сказал я.

— Мне тяжелее вашего, — грустно произнёс пастор. — Я очень хорошо узнал парня и думал, что сумею вернуть его на путь истины. Он был жаждён до светных благ жизни, но вовсе не так испорчен, чтобы можно было ждать такого страшного дела... Для меня это тяжкий удар. Кто знает, может быть, доля вины падает и на меня, не сумевшего удержать его руку...

— Удержать от чего? — спросил Кручинин.

— ...не очень хотелось говорить это кому бы то ни было, но... вы иностранец, и то, что я скажу, уйдёт вместе с вами. Если Кнуд невиновен, — а я тешу себя этой надеждой, несмотря на... — да, так я скажу вам, если вы обещаете не говорить никому из здешних людей. Не нужно натравливать их на юношу...

— Что вы знаете? — нетерпеливо перебил его Кручинин.

— Знаю? — пастор пожал плечами. — Решительно ничего.

— Так в чём же дело?

— Я хотел только сказать, что несмотря на объективные обстоятельства, складывающиеся не в пользу Кнуда, я отказываюсь верить в его виновность.

— Что вы называете объективными обстоятельствами? — спросил Кручинин.

— Искать их приходится ещё в прошлой ночи, когда мы были на острове. Между Кнудом и убитым произошла ссора. Кнуд угрожал старику. Я бы предпочёл не слышать то, что слышал.

Я понял, что речь идёт о споре, обрывки которого слышали и мы с Кручининим.

— О чём они спорили? — спросил Кручинин.

— О каком-то спрятанном богатстве, о кладе, что ли. Выдать этот клад или не выдавать? Кому? Не знаю. Я не очень хорошо понял, в чём дело. Из скромности, я ушёл от суда. Кто мог думать, что теперь это приобретёт такое значение?

— Да...

— Это — первое обстоятельство. — Пастор задумался. — А второе... второе — вот этот кастет. Если бы можно было убедиться в

том, что кастет Кнуда спокойно лежит у него в кармане, гора свалилась бы у меня с плеч.

— А третья?

— Третья?.. Когда я зашёл сюда...

— На «Анну»?

— ...да, на «Анну», рано утром, чтобы поговорить с кассиром Хеккертом, мы сошли на берег; шкипер ещё спал. Кнуд был у себя в кубрике. Это я очень хорошо видел. Мне показалось, что он спит. Он лежал совершенно тихо... Случилось так, что, отойдя несколько десятков шагов с кассиром, я вернулся сюда, чтобы взять забытую трубку, и когда вошёл в каюту, то увидел то, что видите вы, — пастор поднял руку и неожиданно для нас осенил труп знаменем креста. Помолчав, продолжал: — Кнуда на судне уже не было. Я успел только отчётливо увидеть его фигуру, когда он бежал вдоль пристани и скрылся за первыми домами.

— Вы выглянули из люка? — быстро спросил Кручинин.

— Нет... мой взгляд нечаянно упал в иллюминатор, и я увидел Кнуда... Право, не смогу вам объяснить, почему я тут же не бросился за ним. Какая внутренняя сила удержала меня? Потом я, действительно, высунился из люка и позвал кассира, — пастор задумчиво опустил голову.

— Кажется, нам здесь делать больше ничего, — сказал Кручинин.

Пастор молча кивнул, и все мы сошли с «Анны».

Кручинин внезапно остановился, словно вспомнив что-то:

— Почему не вызвали врача?

Пастор грустно покачал головой:

— Немцы увезли отсюда всех врачей.

— Так-так.

— Я дал знать фогту, — тихо произнёс подошедший к нам Вилкун Хеккерт. — Он вчера уехал на юг прихода, но к вечеру непременно будет здесь.

— Это хорошо, — сказал пастор и, обернувшись к Кручинину, спросил: — Как вы думаете, пожалуй, до приезда фогта не стоит всё-таки ничего трогать... там?

— Конечно, конечно, — согласился Кручинин.

— Вы чем-то расстроены? — заботливо спросил пастор.

— Исчезновением нашего проводника.

Пастор осторожно осведомился у нескольких людей: не видел ли кто-нибудь Кнуда Ансена? Нет, никто его не видел с самого отъезда на острова.

Пастор многозначительно переглянулся с Кручининим.

Когда мы шли домой, нам повстречалась какая-то женщина, сообщившая пастору, что рано поутру видела Кнуда далеко за городом.

— ...я возвращалась от сестры.

— Значит, он шёл в горы?

— В горы, конечно, в горы, — закивала женщина. — Я и говорю: он шёл в горы. Я окликнула его: «Эй, Кнуд, куда ты собрался?» А он, не оборачиваясь, крикнул мне: «Здравствуйте, тётюшка Свенсон, и прощайте!» «Что значит — прощайте, не навсегда же ты уходишь, Кнуд?» — сказала я. А он: «Прощайте, тётюшка, прощайте».

— Значит... он действительно ушёл в горы, — пробормотал пастор, ни к кому не обращаясь.

4. ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ

Мы шли молча. Каждый думал о своём.

— Дорогой мой, наша профессия полна противоречий, — сказала вдруг Кручинин тем спокойным, почти равнодушным голосом, каким обычно делал замечания, чтобы я запомнил их. — Иногда мне кажется просто удивительным, как могут найтись люди, способные совместить в себе противоположные качества, необходимые человеку, посвятившему себя расследованиям преступлений. Что касается меня лично, то я, вероятно, никогда не смог бы удовлетворить требованиям, предъявляемым к хорошему следователю и к сколько-нибудь сносному детективу. Начать хотя бы с того, что каждый из них должен быть способным совершать ежеминутно самые быстрые, я бы сказал, молниеносные, поступки и в то же время каждый из них должен уметь сдерживать себя, сдерживать своё нетерпение: уметь ждать.

— Однако, — перебил он сам себя, — почтеннейший Вилкун не только довёл нас до гостиницы, но, кажется, намерен оказать нам честь и там. Признаться, он мне уже порядком надоел.

— Старик потерял брата, а ты не хочешь признать за ним право на вполне естественное желание быть на людях! — с возмущением воскликнул я.

— По-твоему, у него есть основания бояться призрака Хьяльмара?

— С какой стати он стал бы его бояться?

— Значит, ты этого не думаешь?

— Конечно, нет!

— А уж я-то хотел было порадоваться твоей пронзительности, — с усмешкой сказал Кручинин и взялся за ручку двери у подъезда нашего «Гранд отеля».

Как только дверь номера затворилась и мы остались одни, я увидел перед собою другого Кручинина — того, который покорила меня в дни первого знакомства, столь же скупого на слова, сколь безошибочного в суждениях.

Кручинин с радостью схватил сковородку.

— Дай сюда клеёнку, — сказал он так просто, как будто мы ни на минуту не отвлечались от того, что делали на «Анне».

Я бережно расстелил клеёнку на подоконнике. Кручинин вынул из кармана кастет и положил его на клеёнку рядом с едва заметным следом руки.

Несколько минут внимательного изучения пенилярных линий на дактилоскопическом паспорте преступника было достаточно, чтобы установить, что отпечаток на клеёнке оставлен левой рукой, на кастете — правой. Версия Кручинина о том, что, нанося удар по голове шкипера, преступник был отделён от него столом и, чтобы дотянуться до своей жертвы, должен был опереться на стол, получила первое подтверждение. Такой удар нанести мог только человек очень большого роста.

— Кого из обладателей такого роста ты мог бы взять под подозрение? — спросил меня Кручинин.

На этот раз мне не нужно было долго думать, чтобы с уверенностью, хотя и с грустью, ответить:

— Кнуда Ансена.

Повидимому, удовлетворённый моим ответом, Кручинин продолжал свои размышления вслух.

— Удар нанесён один и такой силы, что шкипер был, повидимому, убит на месте. Кто из окружающих шкипера обладал такой физической силой?

К сожалению, я снова должен был сказать: — Кнуд Ансен.

— Что нам остаётся сделать, чтобы окончательно убедиться в виновности Ансена?

— Идентифицировать его личность по отпечаткам на клеёнке или на кастете.

Кручинин покровительственно похлопал меня по плечу:

— Ещё немного, и я смогу со стороны наблюдать, как ты самостоятельно ведёшь работу... Как мы установим интересующее нас обстоятельство? Имеются ли у нас отпечатки пальцев, о которых мы могли бы с уверенностью сказать, что они принадлежат Ансену?

Я понял, что мы пришли к довольно частому в таких случаях тунику: дактилоскопической карты Ансена у нас не было. Значит, и всё остальное теряло цену до тех пор, пока мы не настигнем преступника и не сможем взять его отпечатки.

— Есть у нас какой-либо предмет, несущий отпечатки пальцев Ансена? — спросил Кручинин.

Я подумал и с уверенностью ответил:

— Нет.

— Посмотрим, — загадочно ответил Кручинин и пошёл к хозяйке гостиницы.

Через десять минут он вернулся с обильным рюкзаком:

— Узнаешь?

Я ответил отрицательно.

— Ай-ай, — укоризненно произнёс Кручинин. — Сколько раз из этого мешка доставался котелок, в котором Кнуд варил нам кофе! Сколько раз ты сам лазил сюда за консервами, галетами и прочими радостями походной жизни, пока мы шли сюда с Кнудом. — Так это мешок Кнуда? Как он очутился у тебя?

— На «Анне» этого мешка не было. Значит, Кнуд либо ушёл с ним либо совсем не брал его на судно. Не мог же он, уходя от правосудия, зейти за ним в отель.

Мы принялись с интересом разглядывать всё, что было в мешке. Там имелся ассортимент самых разнообразных походных вещей — от ффайки до бритвенного прибора. Именно эту никелированную коробочку с бритвой Кручинин осмотрел особенно внимательно.

— Когда человек, побившись в походных условиях, укладывает бритву, трудясь требовать, чтобы его пальцы были совершенно сухи. А след влажного пальца рано или поздно заставит поверхность металла корродировать... Вот тут что-то подходящее уже есть. Правда, не все пять пальцев, но и по двум мы кое-что сможем сказать.

Он принялся за изучение виднущейся на поверхности коробочки мутной сетки штрихов и стал сличать их со следом правой и левой рук преступника.

Чем дальше я наблюдал Кручинина, тем увереннее мог сказать, что осмотр его не удовлетворяет. Он вертел коробочку и так и сяк. Наконец, сказал:

— Либо этой бритвой пользовался ещё кто-то, кроме Кнуда, и именно этот «кто-то» оставил нам свою визитную карточку, либо...

Он не договорил и, отложив бритву, принялся за осмотр других предметов. По тому, с какой досадой он отбрасывал их один за другим, я понимал, что нужные следы не находятся. Но тут постучалось мне. Я с торжеством протянул Кручинину сковородку. На её законченной поверхности ясно виднелись отпечатки нескольких пальцев. Это могли быть только отпечатки или наши или Кнуда.

Кручинин с радостью схватил сковородку. — Даже заранее, по размеру этой лапы, можно сказать, что она принадлежит твоему любимцу, — сказал он с уверенностью и сличил оттиски с тем, что имелось на кастете и на клеёнке.

Я давно знал Кручинина и наблюдал его в разной обстановке. Нередко приходилось мне выдвигать его в затруднении, но почти никогда не мог я отметить на его лице выражения такой досады, как в этот момент: отпечатки не сошлись!

(Следующая глава — «Новый след»)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ТОЧКИ

«Знаете ли вы, — писал одному из друзей П. А. Вяземский, — что в комедии «Горе от ума» есть и моя капля, если не мёду и желчи, то, по крайней мере, капля чернил, то есть: точка. Угадайте, поищите! Нет, не находите? Так и быть, укажу я вам».

Далее в письме следует любопытный рассказ Вяземского о том, как Грибоедов вскоре после приезда своего в Москву читал у Вяземского, и для него одного, свою знаменитую комедию. Чтение дошло до тех явлений второго акта, где речь идёт о падении Молчалина с лошади, и в связи с этим происходит обморок Софьи. В варианте, читанном автором Вяземскому, Чацкий реагировал на эти события следующей репликой:

«Желал бы с ним убится для компании».

По этому поводу, тонкий критик и стилист, Вяземский заметил, что Чацкому не следовало бы употреблять вульгарное выражение «для компании». Грибоедов согласился и попросил совета, как переделать эту реплику. Вяземский и пред-

ложил остроумный выход: оставить за Чацким первую часть стиха, а слова «для компании» передать Лизе. Грибоедову такой совет пришёлся по душе. Точка, поставленная среди строки,

ПЬЕСА О ПУШКИНЕ В ТРИЕСТЕ

В 1874 году театральные афиши Триеста возвестили о представлении драмы, посвящённой поединку и кончине русского поэта Пушкина. Случайная русская путешественница оставила интересное, к сожалению, краткое свидетельство об этой пьесе:

«Нас очень интересовала эта драма, сочинения Коссы, хорошего современного автора. Актёры были довольно хороши, особенно тот, который представлял самого Пушкина. Наталья Гончарова была очень хорошая актриса и старалась передать холодность и бесстрашие, которые приписывали жене Пушкина. Среди действующих лиц — и барон Дельвинг. Автор не знал, что Дельвинг умер гораздо раньше Пушкина. А убивает Пушкина, вместо Дантеса, некто князь Инзов» (!!).

разделила стих на две реплики разных действующих лиц.

«Вот эта точка, — шутили заключил письмо Вяземский, — моя неотъемлемая собственность в бессмертной и гениальной комедии Грибоедова. Следовательно, и на мою долю падает чуть замечная, гомосопатическая крупинка, о чём имею честь заявить...»

В пьесе было немало и других промахов против исторической правды и прямого взору.

«Впрочем, — пишет русская путешественница, — представление было очень занимательное, и Пушкин изображён в прекрасном виде. По ходу пьесы беспрестанно приводились его стихи, конечно, в итальянском переводе, из «Онегина», «Цыган» и т. д.»

Любопытно: среди действующих лиц оказалась и нянька поэта Арина Родионовна.

Надо особенно подчеркнуть, что эта итальянская пьеса была поставлена именно в Триесте. Здесь, в месте средоточия коренных славянских элементов, имя великого русского поэта было, очевидно, вовсе не чуждо зрителям, а симпатии к России создали особый успех пьесе.

Литература и искусство

ТЮТЧЕВ О ВАТИКАНЕ

Выдающийся русский поэт Ф. И. Тютчев прошёл, как известно, долгий путь дипломатической службы. Блестящий знаток Европы, Тютчев не раз выступал с политическими статьями, которые производили большой шум в заграничной прессе. Не раз обрушивался он гневным словом против папского престола и тех козней, которыми неизменно славился Ватикан в международной политической жизни.

В связи с этим любопытно напомнить стихотворения поэта, адресованные Ватикану. Одно из них появилось как отклик на папскую буллу, провозглашавшую фанатическую нетерпимость ко всем инако верующим.

Вскоре Тютчев ещё раз вернулся к той же теме. Теперь русского поэта возмущала борьба папских солдат-наемников против патриотов-гарibaldiйцев:

Смершасте заслуженная кара.
За тяжкий грех, тысячелетний грех...
Не отыграть, не избежать утраты.
И правда... и правда для всех.
То божья правда праведная кара.
И ей в отпор, чью помощь ни зови,
Свершится суд... и папская тварь
В последний раз кулается в крош.

Увы, поэт оказался плохим пророком. Папский престол и в наши дни отличается неумной склонностью к реакционным интригам.

А. Н.

НОВЫЕ КНИГИ

В. Гончаров «Адмирал Сенявин». Военно-морское издательство НКВМФ Союза ССР. М. и Л. 1945.

Биографический очерк одного из выдающихся русских флотоводцев, со дня рождения которого неза-

по исполнилось 150 лет. Книжке приложены представляющие большой интерес собственноручные записки Сенявина, развившего и обогатившего русское национальное военно-морское искусство.

ВЫСТАВКА ФАРФОРА

Полутораметровая фарфоровая группа скульптора С. Орлова «Александр Невский» сразу же привлекает внимание посетителей выставки фарфора и фаянса, открытой в Центральном доме Красной Армии. Эпические, сказочные сюжеты лучше всего удаются Орлову: «Конёк-горбунок», «Сказка о рыбаке и рыбе», «Иван царевич на сером волке» поражают богат-

Ваза для цветов — И. Г. Коньков (Дулёвский завод).

ством фантазии и высокой техникой исполнения.

Скульптура из фарфора и фаянса представлена художниками В. Боголюбовым («Суворов на коне», «Илья Муромец») и И. Фрих-Харом («Мальчик с голубями», «Голуби», «Проводы казака в армию»).

Большое место на выставке занимают декоративные вазы. На синем фоне переливаются нежнейшие розовые, голубые, зелёные цветы с золотой гравировкой. Это работа В. Федулова — ав-

тора нескольких изумительных по красоте форм и росписи чайных сервизов (Дмитровский завод).

С ним соперничают мастера Дулёвского завода И. Коньков и Х. Салин. Коньков, имеющий 52-летний стаж, — непревзойдённый мастер живописи цветов на фарфоре. Его кобальтовые вазы с золотыми цветами и тончайшей гравировкой — одни из лучших на выставке. С равным мастерством он создаёт тематические росписи на столовых сервизах: «Салют Москвы», «Оборона Ленинграда», «Орденский сервиз. Столовый сервиз на тему «Хлопок» и декоративные вазы показал Салин.

Бокал — Ф. Ф. Маслов (Дулёвский завод).

Чайный сервиз — В. А. Федулов (Дмитровский завод).

Художники Калининского фарфорового завода ищут новые формы ваз, кувшинов и другой посуды с разнообразными красочными поливами. Наряду с этим они работают и над декоративной скульптурой (М. Холодная — «Царевна-лягушка», В. Фимьянская — «Девушка с мальчиками», «Узбечка с хлопком»).

Д. Клявганд и И. Гончаренко (Первомайский завод), кроме сервизов (главным образом с золотым орнаментом), работают над мелкими бытовыми предметами. Пуд-

реницы, флакончики для духов, мундштуки, трубки из фарфора неизменно вызывают восхищение посетителей выставки.

Работая в военные годы на оборону страны, заводы фарфорово-фаянсовой промышленности выпускали художественную и бытовую продукцию лишь в лабораторных масштабах, сохраняя кадры старых мастеров и подготавливая новых. Настоящая выставка является демонстрацией их огромных творческих возможностей.

И. С.

«Мальчик с голубями» — Фрих-Хар (Калининский фарфоровый завод).

Атом урана—новый источник энергии

Профессор Л. Д. Ландау

Ещё в начале XIX века было установлено, что всякое вещество состоит из мельчайших частиц — атомов. Но даже крупнейшие физики того времени плохо представляли, что же такое, собственно, атом? Сравнительно недавно, в 1912 году, английский физик Резерфорд впервые раскрыл строение атома.

Атом представляет собой сложную систему, состоящую из относительно тяжёлого атомного ядра и движущихся вокруг него более лёгких частиц — электронов. Известна величина атома — она примерно равна одной стомиллионной доле сантиметра. Легче всего атом водорода. Чтобы написать число, равное количеству атомов в одном грамме водорода, нужно помножить 6 из 10 в двадцать третьей степени, то есть к цифре 6 приписать 23 нуля. Тяжелее всех атом урана — примерно в 230 раз тяжелее атома водорода.

Электроны — это элементарные частицы, которые дальше разделить нельзя. Ядра имеют сложную структуру. Размеры их приблизительно в 10 тысяч раз меньше величин самого атома. Ядра и электроны можно наблюдать в приборе, который называется камерой Вильсона.

Во всех обычных процессах ядра только перемещаются, никаких внутренних изменений с ними не происходит. Если, однако, два быстро движущихся ядра сталкиваются, то может произойти ядерная реакция — получаются новые ядра, то есть происходит превращение элементов. Например при столкновении ядра атома водорода с ядром атома лития получается два ядра атома гелия.

При ядерных реакциях выделяются энергии, в миллионы раз превышающие энергии, выделяющиеся при обычных химических реакциях, в которых ядра атомов остаются неизменными. Столкновения ядер, однако, осуществить очень трудно. Все ядра электрически заряжены, причём одинаковым по знаку — по-

ложительным зарядом. Поэтому они отталкиваются друг от друга, и, чтобы одно ядро проникло в другое, необходимо для преодоления отталкивания придать им очень большую скорость. При движении в материи ядра благодаря своему взаимодействию с электронами быстро замедляются. В результате, в лучшем случае одно из миллиона ускоренных ядер может попасть в другое ядро, остальные, бесплодно растратив свою энергию, останавливаются.

Этот фотоснимок сделан специальным аппаратом, называемым «камера Вильсона». На снимке запечатлены следы быстро движущихся ядер. Два ядра разлетаются в разные стороны.

При таких условиях использование громадных запасов внутренней энергии считалось невозможным. Положение не изменилось и тогда, когда в 1932 году была открыта новая частица — нейтрон, — входящая в состав атомных ядер и отличающаяся от других тем, что она лишена электрического заряда. Нейтроны получаются в результате некоторых ядерных реакций. Будучи электрически нейтральными, они не отталкиваются от ядер, а свободно проникают в них, вызывая ядерные реакции. Однако в результате этих реакций возникают заряженные частицы, почти неспособные к

проникновению в ядра, и реакция останавливается.

Поэтому до самого последнего времени использование ядерной энергии считалось невозможным и ядерная физика рассматривалась как чисто научная область физики.

В 1939 году неожиданно была открыта ядерная реакция совершенно нового типа. В то время как в результате попадания нейтронов в ядра из них обычно вылетают маленькие заряженные осколки, оказалось, что ядро атома урана, поглощая нейтрон, делится на две примерно равных половины. При этом выделяется огромная энергия и снова вылетают нейтроны. Эти нейтроны могут попасть в другие ядра урана и т. д. Таким образом, процесс деления урана может, как и горение, раз начавшись, идти сам по себе.

Легко понять, какие грандиозные перспективы открывает процесс деления урана. Один грамм урана выделяет при своём делении в два с половиной миллиона раз больше энергии, чем выделяется при горении одного грамма угля. Это значит, что электростанция масштаба Днепровской ГЭС, работая на уране, потребляла бы около килограмма урана в сутки.

Мир уже знает о грандиозных разрушениях, которые происходят при взрывах урановой бомбы (так называемой атомной). При взрыве урана выделяется примерно в 20 миллионов раз больше энергии, чем при взрыве того же количества сильнейшего взрывчатого вещества (тринитротолуола). Легко вычислить, что атомные бомбы, которые американские самолёты сбросили над Японией, содержали не больше одного килограмма активного урана.

Известно, что атомная бомба сбрасывается на парашюте. Лётчики, наблюдавшие с самолёта взрыв атомной бомбы в 15 километрах от места действия, видели, как внезапно появилось в небе «новое солнце» (смотреть на него можно было только через чёрные очки). Громадный столб дыма и пыли, возникший над местом, где произошёл взрыв, достиг свыше 10 километров высоты. Уже через несколько секунд до самолёта, откуда велось наблюдение, дошла взрывная волна и его тряхнуло, как при близком разрыве зенитного снаряда. Часть площади (10 квадратных километров) города Хиросима была полностью уничтожена взрывом.

Уран — красноватый металл с удельным весом, приблизительно равным удельному весу золота. Его разведанные мировые запасы исчисляются в 100 тысяч тонн. Но для создания урановой бомбы недостаточно просто получить соответствующее количество урана. Дело в том, что существующий в природе уран состоит из смеси почти одинаковых атомов, но отличающихся друг от друга по весу и по свойствам ядер. Только более лёгкий уран, с атомным весом 235, способен к взрыву, более же тяжёлый, с атомным весом 238, при этом только мешает. Поэтому для создания бомбы необходимо выделить из урана ту его часть, которая обладает более лёгким атомным весом. Она составляет всего около 0,7% общей смеси. Обычные свойства обоих уранов почти абсолютно одинаковы, и разница в атомном весе ничтожна, поэтому разделение урана связано с огромными трудностями: оно требует создания новых, сложнейших производств, что и является главной трудностью применения урановой энергии.

Решение этой сложнейшей проблемы за четырёхлетний срок — огромное научно-техническое достижение, которым по праву могут гордиться физики и инженеры союзных нам стран.

Сейчас уже нельзя сомневаться в том, что все трудности, стоящие на пути энергетического использования урана, будут преодолены и человечество получит новый замечательный источник энергии. Советские физики также работают над этой проблемой, и они, конечно, внесут свой вклад в освоение урана — источника новой, небывалой энергии.

Известно ли

вам ...

...что великий архитектор конца XVIII столетия Василий Иванович Баженов был сыном дьячка и получил духовное образование в Московской «Славяно-греко-российской академии», где его готовили в священники, и что только благодаря своей огромной самостоятельности и силе таланта юный Баженов добился перехода в Академию художеств в Петербурге?

...что, будучи послан для усовершенствования за границу, Баженов выдержал на золотую медаль экзамен в Парижской академии художеств, а в Риме получил звание академика с правом занять должность профессора архитектуры?

...что французский король Людовик XV предложил Баженову остаться работать во Франции, но Баженов отказался, заявив, что он хотел бы быть полезным своей родине?

...что приближённый Екатерины II Бенкеней не допустил Баженова к занятию должности профессора Академии художеств, а разрабатанный Баженовым проект дворца в Екатерингофе не был осуществлён в натуре?

...что Баженову было поручено представить проект здания Смольного института в Петербурге? Проект был выполнен с таким талантом и блеском, что вызвал восхищённые отзывы даже противников художника.

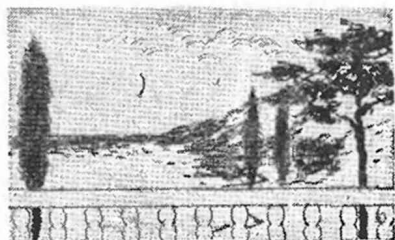
...что величайшим творением Баженова был проект перестройки московского Кремля, который должен был превратиться в грандиозный дворцовый ансамбль, включающий в себя как новый великолепный дворец, так и памятники старины? Постройка была начата, но впоследствии заброшена и о величии её свидетельствует только огромная деревянная модель, сама по себе являющаяся величайшим художественным произведением.

...что выстроенный Баженовым великолепный дворец в Царицыно (под Москвой) был разрушен по приказу Екатерины II, назвавшей, что дворец «похож на острог»?

...что действительной причиной гнева Екатерины и опалы Баженова было то обстоятельство, что Баженов состоял членом тайного общества масонов, которых Екатерина считала своими врагами, и что он был в дружеских отношениях с наследником престола Павлом, которого, Екатерина боялась?

...что одним из немногих сохранившихся памятников творчества Баженова является так называемый дом Пашкова, ныне помещённый в Государственной библиотеки имени Ленина в Москве, по Моховой улице?

НА КЛАВИАТУРЕ «УНДЕРВУДА»

Посмотрите на эти рисунки, похожие по манере исполнения на старинные гравюры: вот русский пейзаж, грустные берёзки, ласковый крымский берег... Можно ли сказать, что эти тонкие штрихи сделаны не карандашом, а выполнены на обыкновенной пишущей машинке системы «Ундервуд»?

Московская стенографистка Наталья Александровна Шапошникова — художник-любитель. Она не только пишет красками, но также исполняет свои рисунки на пишущей машинке, используя буквы и знаки (скобки, тире, запятые) клавиатуры «Ундервуд» как элемент рисунка.

Самое удивительное — это та выразительность, какой достигает тов. Шапошникова в своих рисунках. Художница тонко чувствует пейзаж. Тематика Шапошниковой не ограничивается пейзажем: среди её рисунков есть и портреты, и сцены обороны Москвы, и воздушный бой над городом, и Кремль.

Это — настоящее мастерство и большая выдумка, приложенные к маленькой клавиатуре портативной пишущей машинки.

Ф. К.

ЧУДОВИЩЕ С ЗЕЛЕННЫМИ ГЛАЗАМИ

Евг. Бермонт

Рисунки А. Каневского

Чем, чем, а кадрами режиссёров наше общество до сих пор ещё, к сожалению, хорошо укомплектовано!

Я сам недавно видел в ресторане, как один молодой жгучий брюнет из кинооператоров, присев на свою жену, разбил солонку, толкнул в грудь официанта и отказался платить по счёту.

Но ведь то молодой жгучий брюнет, да ещё из кинооператоров!

А статистик-экономист Василий Ефимович Царапкин был крошечного роста, кругленький, как дынька, и имел от роду 52 года.

Если он иногда ещё вынимал из жилетного кармана гребешок и лихо царапал им розовую лысину, то это был лишь символический жест, так сказать, дань прошлому, некий атавистический признак.

Учреждения, в которых работал Василий Ефимович, носили все какие-то странные названия. В их наименованиях жил дух отрицания. Так, сначала он служил в Управлении некими помещениями, а потом — в Тресте нерудных ископаемых.

Всё это очень огорчало Анну Геннадьевну, жену Царапкина.

— Ну, что это опять за место, Васенька? — сокрушалась она, узнав о новой службе мужа.

— А что такое? Место — как место. Трест нерудных ископаемых.

— Именно, что нерудных. А каких, спрашивается? Опять «еёёё». Почему твои учреждения сообщают только о том, чем они не занимаются?

— Абсолютно не понимаю, к чему ты придираешься? — обижался экономист-статистик.

— А что тут непонятного? Вот работает же Павел Алексеевич в Бринзотресте. Почему же его трест не называется — Трест неголландского сыра?

Поскольку мы уже коснулись Анны Геннадьевны, следует указать, что если сам Царапкин мало подходил к роли Отелло, то ещё меньше годилась в Дедемоны его супруга.

Казалось бы, как могла ревность — это чудовище с зелёными глазами — заползти в мирное семейство экономиста-статистика, двадцать пять лет наслаждавшегося супружеским покоем? А она заползла!

Жизнь знает трюки более головоломные, чем вся история с платком, придуманная Яго.

Однажды, в ясное летнее утро, Царапкин не пошёл на работу. Накануне у него брали толстым зондом желудочный сок. Эта операция произвела на Василия Ефимовича такое неизгладимое впечатление, что он уже второй день сидел на диване с выпученными глазами.

Ровно в 12 часов раздался слабый, точно боязливый звонок. Экономист-статистик сполз с дивана и потащился в переднюю.

— А я к вам, Василий Ефимович, — раздался чей-то лаксовый баритон, и в дверях вырос молодой франт в пиджаке до колен, в жёлтой шляпе с узкими полями и галстук бабочкой.

В руках у франта был роскошный букет пунцовых роз.

— Заходите, Валентин Павлович, прошу вас, — сказал удивлённый Царапкин, узнав в посетителе знакомого опереточного артиста Ордынина.

— А где же Анна Геннадьевна? — осведомился гость, входя и протягивая розы. — Я вот ей цветочков принёс.

Услышав это, Василий Ефимович подавился и выпучил глаза, словно ему снова воткнули в пищевод толстый зонд. А выскочившая на шум

В руках у франта был роскошный букет пунцовых роз.

голосов Анна Геннадьевна даже побледнела от неожиданности. Последние двадцать лет Царапкин носил ей только венки. И даже когда он недавно поехал на дачу к приятелю, то и оттуда привёз не цветы, а сосновые шишки для самовара.

Гость с хозяином вошёл в комнату, а хозяйка побежала на кухню и воткнула букет в вазу из-под молока.

Конечно, шикарные красавицы-розы рассчитывали на более изысканную тару. Но Анна Геннадьевна было не до изыска, так как она торопливо высчитывала стоимость букета и полученную сумму быстро переводила на молско.

Кружка молока для Анны Геннадьевны являлась такой же валютной единицей, как доллар для Соединённых Штатов и фунт стерлингов для Британской империи.

Любую покупку она в состоянии была оценить, только переведя её стоимость на соответствующее количество кружек молока.

Пока хозяйка возилась с цветами, хозяин и гость вели довольно смутный разговор.

— Долго я у вас не был, Василий Ефимович, — говорил Ордынин, тщательно рассматривая свои туфли. — Всё думал: «Дай зайду», — да всё

боялся не застать. А сегодня был уверен, что вы дома, и зашёл.

— Как же вы были уверены, что я дома, когда в это время я всегда бываю на службе?

— А предчувствие?! О, предчувствие у тонких художественных натур — это всё.

— Гм-гм, — мрачно хмыкнул Василий Ефимович. — А цветы вы купили до того, что почувствовали, что я дома, или после?

— Конечно, до... То есть я хотел сказать — после... Нет, до того... А впрочем, это не имеет никакого значения...

Душевный покой экономиста-статистика был нарушен. Злобное чудовище мигало зелёными глазами. Этот ранний непонятный визит! Галстук бабочкой! Чертовски дорогие розы!

Прошло три дня, а на четвёртый Василий Ефимович, вернувшись из Треста нерудных ископаемых, увидел на буфете большой шоколадный торт.

— Что это? — спросил он, холодея.

— Торт...

— Вижу, что торт, а не сардинки! Откуда он?

— Ордынин принёс. Правда, милый молодой человек?

— Значит, он опять был здесь, этот твой...

Василий Ефимович задохнулся и не нашёл подходящего слова.

— Ордынин? Был. В двенадцать часов дня заскочил...

— Заскочил! Он заскочил, а вы к нему высочили. Хороша коза в пятьдесят лет! Довольно стыдно, сударыня!

Царапкин кинулся было в соседнюю комнату, но вернулся и со злобой крикнул:

— Манон Леско!

Анна Геннадьевна ничего не поняла.

Старик весьма подозрительно покусился на розы...

РАССКАЗЫВАЮТ, ЧТО...

В мастерскую к художнику Брюллову приехало какое-то семейство и пожелало видеть ученика его, Рамазанова. Брюллов послал за ним. Когда тот пришёл, Брюллов, обращаясь к посетителям, произнёс: — Рекомендую — пьяница. Рамазанов, указывая на Брюллова, прехладнокровно ответил: — А это мой профессор.

* * *

Некто Коплёв славился в Петербурге худобой своей четверни, которую он из скупости плохо кормил. Однажды ехал он в карете по Невскому проспекту, нагнал шедшего пешком Сергея Львовича Пушкина (отца поэта) и крикнул ему: — Садитесь — подвезу! Сергей Львович ответил: — Благодарю, не могу: я спешу.

Юмор

А когда назавтра Василий Ефимович увидел в бидоне вместо пунцовых роз высокие белые лилии, он уже ничего ни о чём не спрашивал.

Он рычал, топтал ногами лилии и колотил бидоном по плюшевому дивану, выколачивая вековую пыль.

Затем он очутился у одного своего друга и, дрожа от злости и негодования, придумывал различные варианты мести, один страшнее другого.

Эти африканские страсти ошарашили хладнокровного соседа. Конечно, улики убийственные! Молодой человек ходит с визитами, когда мужа нет дома, и таскает ценные подарки. С какой стати такой шалопай, как Ордынин, будет трогаться?

Вечером любознательный друг уже сидел в тесной уборной Ордынина и, смотря в упор на лоснящееся от грима лицо франта, допрашивал его: — Вася, скажи честно: ты влюблён в жену Царапкина?

— Я-я-я! — воскликнул артист с тем неподдельным изумлением, которого режиссёр никогда не мог добиться от него на сцене.

— Могу тебе сообщить, что Василий Ефимович ревнует.

— Меня? Он что, окончательно спятил? — обомлел Ордынин.

— А розы? А торт? А лилии?

Валентин Павлович схватился за голову.

— Пойми же ты, ведь это чудовище!

— Да, по что же всё-таки произошло?

— Произошло то, что я влюбился в дочь профессора Кругликова. Зое восемнадцать лет, но, кланюсь, она...

— Самая прекрасная девушка на земном шаре?

— Да. Но отец у неё отсталый старик, который ходит с толстой палкой и не любит артистов. Мы с Зоей познакомились недавно, но дома я у них никогда не появлялся, и вот когда, наконец, по моим точным расчётам, папаша должен был находиться в клинике, я прихожу, звоню...

Ордынин даже побледнел при этом воспоминании.

— И тебе открывает профессор с толстой палкой в руках?

— Нет, палка стояла в углу... Хорошо, я сразу вспомнил, что на этой же площадке живут Царапкины. Спросил их. Старик весьма подозрительно покусился на розы и не уходил до тех пор, пока Василий Ефимович не открыл мне дверь...

— Ну, а торт?

При упоминании о торте несчастный влюблённый опять схватился за голову и в волнении даже сбрыкнул парик:

— Это был ужасный просчёт. Именно в двенадцать часов дня профессор собирался оперировать моего приятеля, и я даже просил его подольше не поддаваться наркозу. Но только я стал подниматься по лестнице, как услышал позади себя стук палки. Отсе! И он нарочно долго возился с ключами у своих дверей, пока я не дозвонился к Царапкиным...

— А лилии?

— С этими лилиями я два часа ходил по тротуару и не решался войти в подъезд. А когда, наконец, вошёл и поднялся на лестницу, то со страху позволил опять к Царапкинам...

Валентин Павлович швырнул в створку коробку с гримом и заметался по уборной:

— Мало того, что им столько цветов перетаскал, так ещё скандал!

Да, жизнь, как видите, рождает трюки более головоломные, чем вся история с платком, придуманная Яго.

СПОРТ

Первенство Москвы по городкам. Впервые после войны встретились любители игры в городки. На снимке: на площадке Дворца культуры имени Сталина. Бьет по фигуре мастер спорта СССР, неоднократный чемпион Москвы Н. А. Цицинов.

К. Васильева (Ереван) в Московском бассейне установила два всесоюзных рекорда стилем кроль на 300 и 400 метров (снимок слева).

Фото Н. Волкова.

Новости медицины

ДОСТИЖЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ХИРУРГИИ

В 1913 году Владимир К., 20 лет, был тяжело ранен осколком в область гортани. В медсанбате раненому оказали первую помощь и направили в эвакуационный госпиталь. Там ему мастерски удалили застрявший в гортани осколок, но так как больному было трудно дышать, ему для облегчения страдания вставили в дыхательное горло металлическую трубку.

Владимир К. приехал в Москву и был помещен в клинику болезней уха, носа и гортани 1-го Московского ордена Ленина медицинского института.

Тщательным исследованием было установлено, что в результате ранения, разрывов тканей и воспалительного процесса у больного развилось хроническое сужение просвета гортани.

Больному сделали первую операцию, во время которой удалили рубцы и утолщения, закрывавшие просвет гортани. Но так как заболевшие ткани обладают «коварным» свойством вновь утолщаться, больному вставили в просвет гортани своеобразный протез — резиновую трубку-расширитель.

Прошло некоторое время, и больному сделали вторую

операцию, после которой вновь оставили в гортани резиновую трубку. Только после того, когда установили, что резиновая трубка помогла сформироваться хорошему просвету гортани, она была удалена, больному сделали последнюю пластическую операцию — зашили отверстие, через которое была вставлена металлическая трубка, — и больной здоровым ушел к себе в Ярославль.

Больных с таким заболеванием лечилось в клинике немало, и подавляющее большинство из них (90 процентов) выпаласало с хорошими результатами. Следует отметить, что лечение наступает не быстро и длится много месяцев, иногда до полутора лет.

Таким образом, лечить сужение просвета гортани можно, и это доказал в свое время профессор А. Ф. Иванов, разработавший методику лечения гнойного воспаления хрящей гортани после сыпного тифа.

Принципы профессора Иванова и легли в основу разработанной системы оперативного вмешательства при ранениях, приводящих к хроническому сужению просвета гортани.

Коллектив клиники болезней уха, горла и носа 1-го Московского ордена Ленина медицинского института, которым руководит профессор А. Г. Лихачев, добился очень хороших результатов в лечении гнойного воспаления хрящей гортани, которое приводит к сужению её просвета со всеми вытекающими отсюда неприятностями для больного.

На операционном столе хирург удаляет пораженные участки щитовидного хряща гортани, а иногда и весь хрящ в целом.

Казалось бы, что гортань, лишённая своей скелетной основы, «спадет», сморщится и сделается непроходимой для воздуха, вследствие чего человек не сможет дышать.

Врачи клиники доказали, что из сохранившейся в гортани надхрящницы (тонкая плёнка, покрывающая и питающая этот хрящ) вырабатывается новый скелет гортани, по уже не хрящевой, а костный.

И больной, который стоял перед угрозой долгими годами, а быть может, и всю жизнь испытывать мучительное состояние — жить, дышать и разговаривать при помощи специально вставленной металлической трубки, — после указанной выше операции обычно уходит из клиники здоровым.

И. Гейзер

Почему мы так говорим

САБОТИРОВАТЬ, САБОТАЖ

Сабо — деревенские башмаки французских крестьян (получившие своё имя от местности Савойя). Но «сабо» французы называют и плохую вещь и плохого работника, так же как у нас лапоть — крестьянская обувь и лапоть — порицание: «Эх ты, лапоть!», «Тебе бы лапти плести!», «Лапотничать!» То же значение имеет иногда наше слово «сапожник», «сапожничать». Саботаж, саботировать — делать умышленно плохую вещь, обдуманно тормозить работу.

НИ КОЛА

В выражении «ни кола, ни двора» не надо понимать «кола» как «щест», «палка». Встарь в некоторых местностях «кол» было полосой пахотной земли шириной в две сажени. «Не иметь кола» значило не иметь и маленького клочка земли. Название этой меры — от колысь, которыми во многих местах отмеряли наделы.

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ

Слово «персональный» восходит к слову «звучать». Какое же было слово до «персональной пенсии», «персональной ставки»?

«Звучать» — по-латыни «сонаре», «пер» — «через». Из «пер» и «сонаре» образовано было «персона» — так называли театральную маску, в которой выступали актёры древнего Рима. Персоны были сделаны так, что звук голоса проходил через них и усиливался — откуда и их название. Потом актёры перестали надевать маски, и персонами именовали уже просто действующих лиц. От «персона» получилось новое французское слово «персонаж», означавшее совокупность действующих лиц (окончание «аж» и в других словах даёт значение собирательности, совокупности, количества: метраж, литраж и т. д.). В этом значении «персонаж» перешло и в русский язык, и так называли уже и героев романов и т. д. Основное слово «персона» также приобрело новый смысл. Теперь это стало уже просто «отдельное лицо», «личность». Стали говорить «важная персона». От «персона» — «личность»; прилагательное «персональный» стало значить «личный».

НАКАНУНЕ

Перед днём праздника в греческие храмы приносили вечером корзины с дарами из плодов и овощей в честь святых. Корзина эта по-гречески называлась «канун», а от неё так стали именовать и день, в который их приносили. В таком смысле это слово перешло и в русский язык: «накануне» — в день кануна. Впоследствии «накануне» стало днём перед любым событием, а потом и просто «предшествующий день». В некоторых местностях в народе и сейчас «канун» — еда, связанная с праздниками или церковными обычаями: мёд или пиво, сваренные для праздника, кутья в память усопшего, блины с мёдом.

САРДОНИЧЕСКИЙ

На острове Сардиния, по словам историка Саллюстия, росла ядовитая трава. У человека, вкусившего эту траву, лицо сводило болезненной судорогой, похожей на улыбку. Поэтому ещё у древних римлян «сардонический» (то есть сардинский) означал злобно насмешливый, язвительный смех или улыбку.

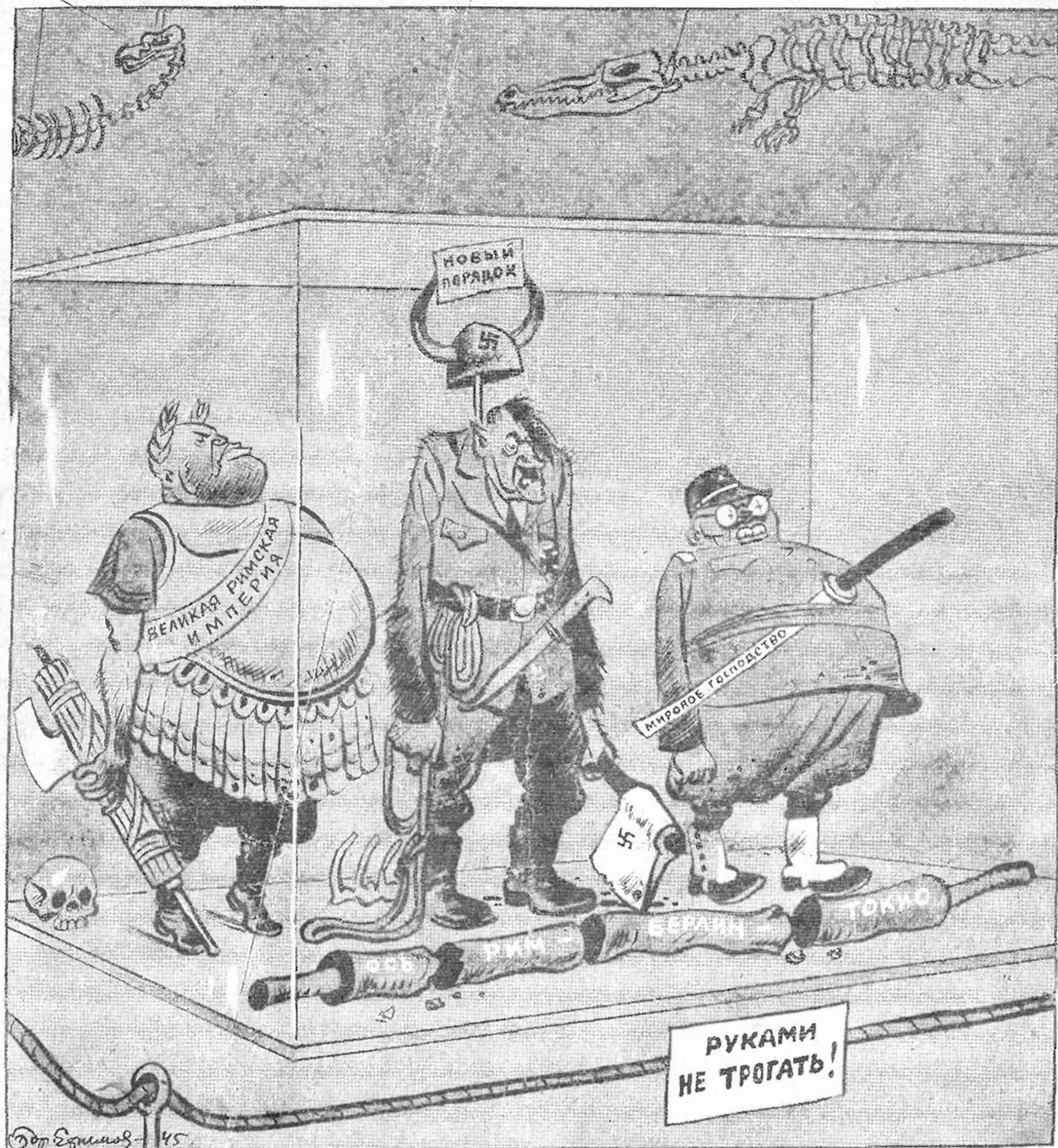
РАСПОЯСАТЬСЯ

Необходимой частью старинной русской мужской одежды был пояс, украшенный у богатых людей драгоценностями. Пояса эти достигали длины до четырёх метров и ширины более 20 сантиметров. Понятно, такой пояс стеснял человека, и в домашней обстановке его не носили. В «Князе Серебряном» Ал. К. Толстого описан пир у Ивана Грозного. К концу пира «пные допивали кубки романа, более из приличия, чем от жажды, другие дремали, облокотясь на стол; многие лежали под лавками, все без исключения распоясались и растегнули кафтаны...» «Распоясаться» стало означать вести себя как дома, утратить всякую сдержанность, уважение к другим.

И. Уразов

МУЗЕЙ ЖАЛКИХ ФИГУР

Рисунок Бор. Ефимова. Текст Эмilia Кроткого.

Открыт паноптикум! Глазей
(Коль это не наскучило)
На первом сданное в музей
Классическое чучело.
Он в Риме Цезарем ходил,
Он мрамор пародировал:
— Пришёл, увидел... Победил!
О, нет! капитулировал.

Вот, — полюбуйся-ка, — второй
Из той же битой серии
Недолговременный «герой»
Разбойничьей империи.
Средневековый этот шут —
Он Римом дирижировал,
Кричал «союзникам — капут»,
А сам — «капитулировал»!

Вот, повторив репертуар
Берлинского покойника,
Стоит токийский экземпляр
«Идейного» разбойника.
Догнал! Последовать пришлось
Примеру «братской нации».
...А рядом — сломанная «ось»
И... три капитуляции!